

МАКС MAX

ПИЛОТ
РАКЕТОНОСЦА
ВИЖУ ЦЕЛЬ

Боевая фантастика (АСТ)

Макс Мах

Пилот ракетноносца. Вижу цель

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мах М.

Пилот ракетноосца. Вижу цель / М. Мах — «Издательство АСТ»,
2020 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133863-3

Пилот ракетноосца капитан-лейтенант Эрик Минц мог ожидать от своего путешествия «на ту сторону» Пустоты чего угодно. Однако суровая реальность превзошла все его ожидания. Несмотря на это, Минц блестяще выполнил возложенную на него дипломатическую миссию, нашел утерянную семью, обрел имя и возможности, о которых не мог и грезить, и поучаствовал на стороне Холода в нескольких космических сражениях, не уступавших по интенсивности и масштабам ни одной из тех битв, которые вела империя Торбенов. И все-таки, под тем именем или другим, в одной части космоса или в другой, Эрик всегда остается самим собой: рыцарем без страха и упрека.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133863-3

© Мах М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Макс Мах

Пилот ракетноносца. Вижу цель

Глава 1

Гибралтар

1. Двадцать первое февраля 2534 года,

Гибралтар

– Вижу цель! Ввожу целеуказания.

– Принято! – Эрик тоже видел цель – арьергард 2-й ударной колонны британцев, состоящий из трех идущих сплоченной группой крейсеров. – Цели опознаны?

– Так точно! У всех между ног яйца! – лейтенант Ута Кюннен порой позволяла себе в общении с комбригом «изошренно художественную» речь, но зато являлась без преувеличения лучшим разведчиком дивизии эсминцев, а лучшим, как известно, многое прощается. Прошлось и ей.

– Ута! – остановил ее Эрик. – Докладывай по существу!

– Есть по существу! – слегка сдала назад лейтенант Кюннен. – Все трое – старые старички, командир. «Вариор», «Черный принц» и «Минотавр». Сразу перед ними со стандартным интервалом идут линейные «Геркулес», «Нептун» и «Аякс»¹. Эти пожирнее будут.

«Стандартный интервал... Как ни крути, а глубже второй шеренги не прорвемся, – вынужден был признать Эрик, изучив данные, появившиеся на тактическом экране. – Но арьергард наш!»

– Что скажешь, Ваня? – спросил он вслух.

– Не вытанцовывается, – ответил на рузе бригадный тактик капитан-лейтенант Каверин и тут же перешел на ланг: – При любом варианте атаки без включения маршевых двигателей нам не обойтись, но не в этом дело. Если с ходу атаковать линейные крейсера, придется доворачивать, меняя траекторию подхода, иначе проскочим мимо. Значит, включаем маневровые через семь минут и разом открываем британцам свое местоположение. В этом случае придется пройти их построение насквозь, а это почти три минуты под огнем, – Иван Каверин *неспешино* рассуждал вслух, времени до принятия решения оставалось достаточно, а ему так лучше думалось. – Варианты первый и второй практически ничем существенным не отличаются, но второй все-таки чуть лучше. Третий вариант экономит нам двадцать семь секунд под обстрелом, но углы атаки будут куда хуже. Еще можно пройти по касательной к «Минотавру»... Тогда две минуты сорок секунд под огнем «малой интенсивности», фактор внезапности по-любому утрачен, и первыми вырубать придется все тех же пенсионеров. Пока доберемся до главных сил, будем как на ладони – стреляй не хочу!

«Куда ни кинь, всюду клин!» – Эрик рассматривал выведенные на тактический экран предполагаемые схемы атаки и лихорадочно искал лучшее решение из немногих имевшихся в его распоряжении альтернатив. От его выбора зависел сейчас не только успех или неуспех «засады», от него зависели жизни множества людей, а возможно, и исход войны. Ошибиться было попросту нельзя, но и тянуть с решением не стоило тоже. Опыт подсказывал, что первая пришедшая в голову идея обычно оказывается самой удачной.

«Что ж, как там говорили на Старой Земле? Или грудь в крестах, или голова в кустах? Похоже на правду, следовательно, так все в жизни и обстоит...»

---

¹ Использованы названия английских линкоров ПМВ.

Он бросил взгляд на таймер, кивнул мысленно, окончательно соглашаясь с принятым решением, и заговорил вслух, *наговаривая* приказ для бортового журнала:

– Общесистемное время 18:37. Приказ по девятой бригаде третьей дивизии эсминцев. Атакуем двумя группами. Первая группа – эсминцы «Гурк», «Траун» и «Лех»² под командованием капитана второго ранга Арнема продолжают движение по схеме два/три: инерционный подход в кильватер к арьергарду противника и общая атака в 18:51. Задача: связать боем замыкающие колонну крейсера и отвлечь на себя внимание главных сил. Вторая группа – эсминцы «Изар», «Штайр», «Мюрц» и «Энс»³ атакуют крейсера «Нептун» и «Аякс». Начало атаки в 18:52. Командование группой беру на себя. Передать приказ на корабли лазерным семафором. Соблюдать радиомолчание до момента обнаружения противником. Всем – готовность номер один! Подпись: капитан первого ранга Минц.

К семи часам вечера сражение, начавшееся за орбитой Утгарда⁴, пятой планеты системы Валгаллы, сместилось к Ваннахейму⁵. Дальше отступать было, по сути, некуда, так как за спинами тяжелых крейсеров 17-й эскадры находился Мидгард⁶ – единственная обитаемая планета в системе, на орбите которой располагались к тому же военные верфи Новой Скандинавии. Проблема имперских ВКС состояла, однако, в том, что у адмирала Вурца было вдвое меньше наличных сил – и по тоннажу, и по количеству бортов, – чем у адмирала Оуэна. Британцы вели наступление двумя сплоченными колоннами, и у имперцев едва хватало сил, чтобы связать их боем и хотя бы немного притормозить. Но было очевидно, долго эта неравная схватка не продлится. За два с половиной часа, прошедших после первого огневого контакта, Вурц потерял до трети первоначального состава своей эскадры. Помощи ждать было неоткуда. Резервов практически не осталось, но у адмирала – хвала Господу и способности Вурца думать на опережение – имелся в рукаве один решительный козырь: две бригады эсминцев 3-й дивизии, заранее запущенные им «в обход» по орбите Нифльхейма⁷ с целью атаковать противника с тыла и во фланг.

Четыре часа назад, когда британцы только-только появились на периферии системы, и автономный разведывательный комплекс, наблюдающий за сектором «прибытия», доложил о количестве вторгшихся в Новую Скандинавию боевых единиц и их тоннаже, Вурц приказал эсминцам выйти подпространственным переходом на орбиту шестой планеты на удалении в одну астрономическую единицу⁸ от оси движения вражеских колонн и попытаться достать британцев из засады. Смысл «засады» сводился к тому, что прикрытые «размазанным» по орбите облаком мусора, в который в давние времена превратился Нифльхейм, эсминцы практически незамеченными подойдут к кораблям эскадры и атакуют их с ходу. Так, собственно, и получилось с поправками на «неизбежные на море случайности» и обычные риски, связанные с необходимостью импровизировать на ходу. Девятая бригада перешла довольно удачно, но все равно потребовалось еще около получаса, чтобы собраться всем вместе, уравнивать скорости и построиться в атакующий ордер. Следующие два с половиной часа, не жалея горючего и здоровья экипажей, эсминцы шли с постоянным ускорением, а это 2.7 «жэ», которые тянутся и тянутся, но, кажется, не закончатся никогда. Тем не менее никто от перегрузок не умер, а «реч-

² *Гурк* – река в юго-восточной Европе, приток Дравы. *Лех* – река в Австрии и Баварии, правый приток Дуная. *Траун* – река в Австрии, протекает по Штирии и Верхней Австрии.

³ *Изар* – река, берущая начало в Австрийских Альпах на границе с Германией, протекающая через юго-восточную Баварию и впадающая в Дунай. *Штайр* – река в Верхней Австрии в бассейне Дуная. *Мюрц* – река в Австрии (Штирия), левый приток Мура. *Энс* – река в Центральной Европе, правый приток Дуная.

⁴ *Утгард* – в германо-скандинавской мифологии трансцендентный мир, «внешний» по отношению к земному, материальному миру, называемому Мидгард.

⁵ *Ваннахейм* – в германо-скандинавской мифологии родина Ванов.

⁶ *Мидгард* – «срединная земля» – в германо-скандинавской мифологии – мир, населённый людьми.

⁷ *Нифльхейм* – в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров вселенной, земля льдов и туманов.

⁸ 1 астрономическая единица = 149,6 млн км.

ники» на последнем участке разгонного марша развили огромную скорость в семьдесят три тысячи километров в секунду. Почти четверть от скорости света, даже кое-какие релятивистские эффекты стали наблюдаться. Но главное в другом. Выстроив траектории сближения с противником, эсминцы 9-й бригады заглушили двигатели и, выскользнув из-за «пылевого» облака, начали догонять британцев, все еще оставаясь для них практически невидимыми. Не излучая тепла, не отражая электромагнитное излучение и соблюдая режим радиомолчания, они были похожи на убийц-ниндзя, бесплотными призраками скользящих в ночной тьме. Засечь имперские корабли можно было бы с помощью гравитационных сенсоров или высокоточных наблюдений в видимом диапазоне. Но британцы были заняты боем и, если и следили за своим тылом, то такой «засады», какую приготовил им адмирал Вурц, от имперцев не ожидали. А ведь вслед за 9-й бригадой с отрывом в три минуты шла 18-я бригада, а это еще семь легких эсминцев типа «Рейн».

– Центр управления огнем! – Эрик еще раз проверил свои расчеты и решил, что лучшее враг хорошего и от добра добра не ищут. – Открываем огонь сразу по включении двигателей. Канониры, подстраивайтесь под маневр. Схема маневра прилагается, остальное по ситуации. Первая цель – «Черный принц». У вас будет на него двадцать секунд, затем, что бы ни случилось, переносите огонь на «Геркулес». Далее, огонь по готовности, цели по доступности. Копию приказа передать семафором всем мателотам⁹. Всем эсминцам – держать строй! После открытия огня перестроение в пеленг. С богом!

Эрик опустил забрало шлема, дождался щелчка, означающего, что «броня» подключилась к системе жизнеобеспечения и линиям связи, и положил правую руку на джойстик управления. На тех скоростях, на которых шли сейчас эсминцы, вручную много не нарулишь. Кораблем управляет компьютер, выполняя маневр, заранее построенный пилотом и тактиком с учетом всех привходящих обстоятельств, включая сюда «зону выживаемости экипажа». Но всего, как водится, не учтешь и всех поворотов сюжета загодя не просчитаешь. Поэтому пилот должен постоянно держать руку на пульсе и вмешаться, когда и если в этом возникнет необходимость. Компьютер не человек. Он, разумеется, намного быстрее человека, но он всего лишь «тупая» умная машина, лишенная свободы воли. Говорят, когда-то на Старой Земле ученые вплотную подошли к созданию искусственного интеллекта. Никто не знает, правда это или ложь, но даже если такое возможно, знания эти были потеряны во время Долгой войны и последовавшего за ней Отката. Поэтому до сих пор последнее слово остается за человеком разумным. Инженеры контролируют двигатели и прочую машинерию, артиллеристы управляют орудийным огнем и пусками ракет, а пилоты в ответе за скорость, стабилизацию корабля по вертикали и горизонтали и, разумеется, за маневр. В бою им так же приходится компенсировать сбои, вызванные попаданиями вражеских снарядов, и маневрировать везде, где есть нужда и место для «умного маневра».

– 18:50, – сообщил автомат-контроллер. – Начинаю обратный отсчет для первой группы. Десять... Девять...

Британские крейсера стремительно приближались, сокращалось расстояние и до «поля боя». Отсюда, с позиции, которую занимал сейчас «Изар» – несколько выше и левее первой колонны противника – были хорошо видны вспышки выстрелов импульсной артиллерии и взрывы ракет и снарядов, подрывавшихся на дальних и ближних рубежах обороны великобританцев. А вот корабли империи при пассивном режиме наблюдения с такого расстояния были практически не видны. На их существование указывали лишь какие-то неопределенные всполохи в залитой мглой глубине пространства. Однако опытный глаз легко определял направления стрельбы, и мозг дорабатывал неполное до целого. Даже не зная всех подробностей, Эрик

---

⁹ Мателот – соседний в строю корабль.

был уверен, что плотность огня достигла максимума. И это был плохой признак. У адмирала Вурца явно заканчивались аргументы, а вот британцы все еще находились в хорошем тонусе.

«Вопрос, не удастся ли нам переломить тенденцию?»

– Два... один... Атака!

Внезапно правее и ниже «Изара» из тени вынырнули три эсминца, с ходу открыв шквальный огонь по тылам британской колонны. Включились на полную мощность заглушенные еще полчаса назад двигатели, ударили тяжелые орудия, сгруппированные на «речниках» в нижней части носовой оконечности в две разнесенные по сторонам – слева и справа от главного радара – фашины, ушли к близким целям тяжелые противокорабельные ракеты.

«Понеслось!»

Вечная ночь космоса расцвела вспышками разрывов, острыми проблесками лазерных кластеров, фиолетовым пламенем работающих ракетных двигателей...

– Двенадцать секунд до атаки, – доложил автомат. – Одиннадцать... Отсчет пошел. Десять...

«Ну, вот и наш черед...»

Мысль была настолько четкой, словно он произнес ее вслух, но именно на этом месте сон оборвался, и Эрик проснулся.

«Приснится же такое!»

Возвращение к реальности оказалось резким и однозначным. Никаких полутонов, плавных переходов и медленного осознания себя во времени и пространстве. Чистая эмпирика, и никаких фокусов Гипноса и сына его Морфея¹⁰.

Эрик приподнялся на локте, посмотрел коротко на спящую Анну, вздохнул мысленно, сожалея, что не досмотрел такой замечательный сон, и аккуратно, чтобы не потревожить женщину, покинул постель. Было три часа ночи, точнее 03:11 по корабельному времени. Как обычно, ни то ни се, но с этим ничего не поделаешь. Три-четыре часа сна, и все – спать дольше не получалось, но и будить ради компании Анну представлялось в корне неправильным. Поэтому все ранние утренние часы Эрик привычно проводил в одиночестве, но ничуть от этого не страдал. Всегда находилось, чем заняться: почитать *что-нибудь эдакое* для расширения кругозора, просмотреть рабочие файлы, касающиеся дипломатического этикета или международного права в трактовке Трилистника, Фронтира или Холода, обдумать тот или иной вопрос. В конце концов, если уж совсем делать нечего, можно пойти в тренажерный зал и «полетать» на каком-нибудь «болиде» на подходящих для пилота ракетноносца скоростях и с ускорениями, не совместимыми «с выживаемостью экипажа». Но сегодня был особый случай. Сейчас Эрик с удовольствием обсудил бы с кем-нибудь понимающим свой невероятно реалистический – достоверный до самых мелких подробностей – сон. Это же надо! Ему приснилась атака имперских эсминцев «Речной» серии на арьергард британского ордера в системе Валгаллы. Динамично, жизненно и близко к правде, но, увы, это был всего лишь «сладкий» сон.

Дело в том, что единственное космическое сражение между флотом империи Торбенов и Королевским Военным Флотом¹¹ состоялось тридцать два года назад, когда интересы этих держав в первый и, тогда казалось, в последний раз столкнулись в очной борьбе за «чужой кусок пирога». Ценным призом в тот раз являлась система Валгаллы, и соперничество между империей и Великобританией практически мгновенно превратилось в жестокий вооруженный конфликт, только чудом не переросший в затяжную войну. И вот спустя три десятилетия все возвращается на круги своя. Во всяком случае, оказавшись невольным свидетелем попытки КВФ захватить Аквитанию, Эрик вынужден был прорываться из системы с боем, спасая крей-

---

¹⁰ *Гипнос* – в древнегреческой мифологии персонификация сна, божество сна и сновидений. *Морфей* – сын Гипноса, бог добрых (пророческих, или лживых) сновидений в греческой мифологии.

¹¹ *КВФ* – Королевский Военный Флот, аналог *КВМФ* – Королевский Военно-Морской Флот.

сер «Чалдон» и дипломатическую миссию Сибири. Результатом прорыва стало уничтожение великобританского линейного крейсера «Королева Елизавета». Так что в этой войне – если, конечно, это война, а не «досадное недоразумение», – первый выстрел остался за ним. Впрочем, пока было неясно, с кем именно будут «разбираться» великобританцы – с империей Торбенов или с республикой Сибирь – и будут ли «разбираться» вообще. Все-таки Эрик, если честно, выступил в том бою под знаменами Сибири и грохнул британца, пилотируя сибирский атакующий корвет. До самого отлета с Фронтира этот вопрос так и не был прояснен, но претензий лично к нему никто, похоже, не предъявлял. Он действовал в пределах разумной самообороны, и это британцы были виноваты в том, что не захотели слушать увещаний, которых немало было произнесено и со стороны Сибири, и со стороны империи. Захват дипломатической миссии – а именно на это и нацеливался британский крейсер, – это и само по себе сто процентный казус бели.

Однако всеми этими военно-дипломатическими вопросами занимались теперь совсем другие люди. Эрик же, едва он оказался в системе Фронтира, полез в архивы, так как почти ничего не знал про ту давнюю несостоявшуюся войну. Кое-что ему, конечно, рассказали сразу после боя сибиряки, да и адмирал Север не поскупился на подробности, но Эрик никогда не довольствовался поверхностным знанием предмета и взялся за дело со всей серьезностью, на какую был способен. А способен он был на многое, тем более что на крейсере «Клив-Солаш» имелась обширная база данных, в которой Эрик нашел все необходимые документы и, соответственно, смог в подробностях исследовать битву при Валгалле. И, по-видимому, он действительно хорошо ее изучил, потому что во сне его мозг воспроизвел ход боя настолько достоверно, что даже теперь, когда Эрик в точности знал, что все это ему только приснилось, он никак не мог отделаться от ощущения дежавю, словно и в самом деле атакой эсминцев командовал он сам, а на каперанг Петр Прохазка.

Пока принимал душ и варил кофе, все время – раз за разом – вспоминал этот свой «жизненный» до последней заклепки сон. Казалось, он побывал там и тогда воочию, и единственное, что портило ему настроение – это сожаление, что «не удалось досмотреть этот фильм до конца». Очень уж вся эта история подходила ему, как человеку и офицеру ВКС. Его стиль, его темперамент, его манера от начала и до конца. И хотя эсминцы «речной» серии ни разу не ракетноносцы – они все-таки эсминцы, а не фрегаты, – в свое время эти корабли отлично подходили для стремительных рискованных атак. Ракетноносцы той эпохи были слабоваты для охоты на крупного зверя, а вот легкие эсминцы – в самый раз.

Эрик отхлебнул кофе и, подумав секунду, отправился к бару, чтобы налить себе немного коньяка. Не ради алкоголя в крови, а ради запаха и вкуса. Сибаритство чистой воды, но и этому следовало учиться, а Эрик всегда и во всем был хорошим учеником.

– Мне нальешь?

Он оглянулся. Анна стояла в проеме двери. Высокая, стройная, длинноногая и невероятно привлекательная, даже при том, что писаной красавицей никогда не была.

– Я тебя разбудил?

– Нет, – покачала головой княгиня Эгерланд, с видимым интересом разглядывая Эрика. – Просто сегодня мы прибываем на Гибралтар, так что я поставила будильник. Сам понимаешь, было бы глупо проспать такое событие...

«Гибралтар! Естественно...»

– Ты во мне сейчас взглядом дырку просверлишь, – усмехнулся Эрик, отворачиваясь.

– Возможно, – женщина по обыкновению не спорила, но и не уступала. – Так ты нальешь или так и будешь вести со мной светский разговор?

– Извини!

– Извинения приняты!

– Дырка в спине ничем не лучше дырки во лбу, – прокомментировал Эрик свои ощущения, возвращаясь спустя некоторое время к креслам с двумя бокалами в руках.

Еще он хотел было предложить ей одеться, но вовремя поймал себя за язык. Анна редко совершает необдуманные поступки. Она по большей части хладнокровна и вменяема – хотя и не без срывов, – но главное, в достаточной мере манипулятивна, как, впрочем, и большинство других женщин. Так что, если решила выйти из спальни голой, значит, сделала это не без умысла.

«На слабо берет!»

– А теперь рассказывай! – Почти приказ, вот разве что немного смягчен интонацией и легким движением губ, как бы намекающим на готовую заиграть на них улыбку.

– Как узнала? – А вот Эрик свою улыбку скрывать не стал. С чего бы вдруг? Чай, не враги, не конкуренты.

«В одной постели спим...»

– Интуиция, – пожала плечами женщина, принимая у Эрика бокал с коньяком.

– Сон приснился. – В принципе, не тайна, так отчего бы не рассказать? – Кофе будешь?

– Буду. Что за сон?

– Да вот, понимаешь, приснилось, что команду бригадой легких эсминцев...

– Легких эсминцев? – нахмурилась Анна. – Какие на хрен эсминцы? Ничего не понимаю!

– Я после боя с «Королевой Елизаветой» взялся изучать сражение при Валгалле...

– Ах, вот оно что! – облегченно вздохнула Анна, весьма элегантно обозначив при этом тот факт, что грудь у нее хоть и небольшая, но все-таки имеет место быть. – И тебе это сегодня приснилось?

– Да, атака эсминцев девятой бригады, – Эрик уже сообразил, что Анна этим тоже интересовалась, оставалось проверить, насколько подробными были ее изыскания.

– Командир – капитан первого ранга Петр Прохазка...

«Значит, со всеми подробностями».

– Так точно, – подтвердил Эрик. – Представь, во сне я как раз и выступал в роли капитана Прохазки.

– В каком смысле?

– В прямом! Провел от первого лица атаку девятой бригады. Досмотрел как раз до пуска ракет...

– Понравилось?

– Очень, – признался Эрик. – Захватывающее действо. До сих пор голова кругом идет! Лучше гашиша, честное слово!

Гашиш Эрик не курил. Он вообще практически не принимал наркотики, но любил иногда использовать отсылку к этой гадости для красного словца, тем более что сама Анна наверняка пробовала в дни юности не один только кокаин. В той среде, в которой она росла, без этого никак.

– Обрати внимание на свой выбор, – почти серьезно кивнула обнаженная собеседница. – В твоём распоряжении находились адмирал Вурц и полтора десятка командиров тяжелых крейсеров, а ты выбрал именно Прохазку.

– Я не выбирал!

– Еще как выбирал!

– Хорошо, допустим. И о чем это говорит? – Эрик догадывался, что все дело в драйве, адреналине и эндорфинах¹², но в данном случае был не против услышать стороннее мнение.

---

¹² Эндорфины (эндогенные («рождённый внутри») + морфины) – группа полипептидных химических соединений, по способу действия сходных с опиатами (морфиноподобными соединениями), которые естественным путём вырабатываются в нейронах головного мозга и обладают способностью уменьшать боль, аналогично опиатам, и влиять на эмоциональное состояние.

– Это говорит о том, что ты больной на всю голову пилот ракетноносца! – рассмеялась Анна. Смех звучал искренно. Взгляд откровенно потеплел.

– Так оно и есть, – признал Эрик, вспоминая «тот бой» и свои ощущения в нем.

Адмирал Вурц действительно оказался умным сукиным сыном. «Засада», которую он придумал, дорогого стоила, но, правду сказать, у него под рукой, на удачу, оказались толковые исполнители: каперанги Петр Прохазка и Маркус Фогт. Внезапный сдвоенный удар семи эсминцев 9-й бригады заставил попавших в засаду великобританцев в буквальном смысле умыться кровью: противокорабельными ракетами и артиллерийским огнем были уничтожены или сильно повреждены, но главное, лишились хода три новых, «с игопочки», линейных крейсера – «Геркулес», «Нептун» и «Аякс» – и два ветерана – «Вариор» и «Черный принц». При этом эсминцы прошли строй британских кораблей насквозь и основные повреждения получили именно в момент отхода, но уцелели, поскольку противнику вскоре стало не до них – началась атака 18-й бригады. Фогт потерял четыре эсминца, разменяв их на три линейных крейсера, после чего 1-я колонна кораблей КВФ потеряла боеспособность и вынуждена была выйти из боя. В результате сражение при Валгалле закончилось вничью, хотя несостоявшаяся война империя все-таки проиграла. По условиям мирного договора имперцы покинули систему Валгаллы. Причин тому было несколько: слишком далеко от баз снабжения, слишком сильный противник и, наконец, неудачное с политической точки зрения время для начала затяжной войны...

– Давай, вернемся в постель, – предложила Анна, выслушав рассказ Эрика и найдя его чрезвычайно занимательным. – Если сейчас начнем, как раз успеем на Гибралтар...

Удивительно, но факт: в подобного рода ситуациях Анна не испытывала ни капли смущения. Она была попросту *выше этого*, и слава богу, что так.

– До Гибралтара, ваша светлость? – усмехнулся Эрик, вставая из кресла. – Тогда нам, и в самом деле, следует поспешить!

* * *

Честно сказать, Эрик ожидал, что Гибралтар окажется чем-то сродни Перекрестку – первой станции на «Тропе паломников». Пусть даже не одиночная планета или коричневый карлик¹³, но определенно какой-нибудь экзотический мертвый мир: красный гигант или голубая звезда с излучением высокой интенсивности... Вариантов было много, но действительность превзошла все его ожидания, потому что Гибралтар оказался системой звезды солнечного типа. Класс G8, если исходить из массы, размеров и светимости. Температура на поверхности тоже близка к солнечной¹⁴. А вокруг этой теплой и в меру яркой звезды вращалось полтора десятка разнокалиберных планет, включая одну, сильно напоминающую массой, размерами и удаленностью от светила Старую Землю или тот же Фронтир. И в довершение всего, планета имела кислородосодержащую атмосферу и на ее поверхности было много воды. Голубое сияние воздушных масс, снежно-белые континенты облачных фронтов и зеленые пространства океанов...

---

¹³ *Коричневые карлики* – субзвездные объекты (с массами в диапазоне от 0,012 до 0,07 массы Солнца). Как и в звездах, в них идут термоядерные реакции ядерного синтеза на ядрах лёгких элементов, но, в отличие от звёзд главной последовательности, вклад в тепловыделение таких звёзд ядерной реакции слияния ядер водорода незначителен, и после исчерпания запасов ядер лёгких элементов термоядерные реакции в их недрах прекращаются, после чего они относительно быстро остывают, превращаясь в планетоподобные объекты.

¹⁴ G8 – масса и радиус между 0,8 и 0,9 солнечной, светимость – примерно 0,6 и температура на поверхности 5570 °С против 5860 °С у Солнца.

– Выглядит воодушевляюще! – голос Анны звучал ровно, но Эрик расслышал в нем завуалированные нотки тревоги. Княгиня Эгерланд была обеспокоена, и не напрасно. Есть секреты, которых лучше не знать.

– Красивая планета, – сказал он вслух, – но по ту сторону Пустоты об этом, кажется, никто даже не догадывается.

– На Фронтире об этом знают, но пока по нашей просьбе свое знание не афишируют, – успокоила их адмирал Шлезингер, которая, разумеется, все поняла верно. – Обещаю, господа посланники, мы не станем посвящать вас в государственные секреты нашей республики... Во всяком случае, в те, которые могут стоить вам жизни.

«И на том спасибо!» – Тревоги и опасения не входили в перечень чувств, к которым Эрик привык в прошлом, не хотелось привыкать к ним и в будущем. Тем более он не имел желания тревожиться сейчас, когда «все у него складывалось наилучшим образом», а перспективы выглядели и того *круче*.

Переход через Пустоту оказался вполне комфортным: пять станций, десять дней пути. И если первый прыжок, от Фронтира к Перекрестку, находился на грани возможного – одиннадцать с половиной часов в подпространстве, – то остальные оказались более чем стандартными: от трех до пяти часов на прыжок. Неторопливые разгонные марши, спокойные переходы в «никуда» – к блуждающим планетам-сиротам¹⁵, например, или к системам коричневых карликов, – и несуетное общение с адмиралом и ее штабом «в кулуарах» командной палубы. Еще, поскольку заняться на борту идущего сквозь ночь дредноута было больше нечем, они с княгиней Эгерланд начали учить холодянский язык, имевший два названия: обиходное – «тал» и литературное – «цуне»¹⁶. А в перерывах между тем и этим не без удовольствия слушали рассказы Грит Мюстерс и дипломатического советника Наташи Мозер, прикомандированных к «имперской миссии» на постоянной основе. Женщины рассказывали *господам посланникам* о мирах Трилистника и о государствах, известных под общим названием «Неассоциированные Миры Открытого Космоса». А вот о Холоде, как ни странно, в первый раз разговор зашел лишь накануне прибытия в Гибралтар.

Прошлым вечером они вчетвером – «господа посланники» и прикомандированные к ним лица – устроились в маленьком уютном салоне, примыкающем к кают-компании «командной палубы». Пили импортный кофе из Амхары и беседовали о том, о сем, но большей частью о том, что ожидает Анну и Эрика на планете Холод.

– Наши предки, – пыхнула сигарой госпожа Мозер, – покинули Старую Землю в 2117 году. Это точная дата, господа, она зафиксирована в десятитомных Анналах Холода – подробной хронике, охватывающей события первых пятидесяти лет нашей истории. Записи вела группа историков, положившая начало существующей поныне Службе Хронистов. Так вот, первый том Анналов как раз и повествует о Побеге, то есть о периоде от старта с орбиты Старой Земли одиннадцатого июня 2117 года, до высадки на Холод в декабре 2125 года.

– Вы хотите сказать, что они находились в пути восемь лет? – уточнила Анна и, благодарно кивнув Эрику, приняла у него бокал с коньяком.

Коньяк был из Ресистенсии, сигареты из Трансвааля, кофе, как понял Эрик, «на этой стороне»¹⁷ тоже есть, хотя и не такой хороший, как тот, что привозят из систем Амхары и Параибы.

¹⁵ *Планета-сирота* (планета-бродяга, планета-странник, свободно плавающая планета, квазипланета или одиночная планета) – объект, имеющий массу, сопоставимую с планетарной, и шарообразную форму и являющейся по сути планетой, но не привязанный гравитационно ни к какой звезде.

¹⁶ *Тал* – по-видимому, восходит к голландскому *taal* (язык). *Цуне* – по-видимому, восходит к немецкому *zunge* (язык).

¹⁷ Упомянутые государства – Республика Африканеров – Трансвааль, Коммунистическая Республика Ресистенсия, а также королевство Гонконг – входят в союз, названный Трилистником. Невероятно, но факт – истинные коммунисты-ленинцы из Ресистенсии, потомки буров из Трансвааля, построившие у себя подобие древнегреческой Спарты, и китайские монархисты

– С первой попытки найти подходящую планету не удалось, – дипломатический представитель говорила на ланге без акцента, курила сигары, скрученные умелыми руками белых расисток из Трансвааля, и единственная из четырех собеседников не пила кофе, предпочитая ему какой-то холодянский «травяной сбор». – Пришлось создать временную базу в системе, которую сейчас называют Джаннат аль-ма'ва¹⁸.

– Но это в самом сердце Фатимидского халифата! – удивился Эрик, в силу своей профессии довольно хорошо знавший звездные лоции.

– Да, – подтвердила дипломатический представитель, – но четыреста лет тому назад халифата еще не существовало, хотя разумные люди, вроде полковника Куверманса, уже видели тенденцию и оставаться на Гронингене – так в то время называлась планета – не захотели. Слишком на виду. Слишком близко к уже частично колонизированной Хиджре¹⁹. К тому же эта звездная система была ранее открыта экспедицией Международного Космического Агентства и, соответственно, находилась в реестре ООН как пригодная для колонизации. Нежелательные визитеры могли появиться в любую минуту.

– Куверманс – тоже отец-основатель? – Эрик пока не притронулся ни к коньяку, ни к кофе и единственный за столом не курил.

– Да, – подтвердила собеседница, – колонель Рогир Куверманс один из четырех отцов-основателей. Но мы, если позволите, вернемся к нему чуть позже. А пока... Есть в этой истории, господи, один не прояснённый момент. Наши предки стремились уйти как можно дальше от Земли и ее Объединенных Наций...

Словосочетание *Объединенные Нации* Мозер произнесла так, словно выплюнула изо рта какую-то гадость. С отвращением, брезгливостью, омерзением, так что Эрику нетрудно было догадаться, как относятся на Холоде к Старой Земле и ее политическим институтам. По всей видимости, холодяне до сих пор испытывают по отношению к планете исхода острейшее чувство отторжения, если не сказать ненависти и презрения. Сам он плохо знал историю двадцатого и двадцать первого веков – последних веков процветания Древней Родины, – и поэтому не мог судить о том, насколько обоснованно это чувство, но предполагал, что еще сможет восполнить пробел в своем образовании позже. Впрочем, то, что промолчал один, не означает, что промолчит и другой.

– Мы с графом плохо знаем историю Старой Земли, – включилась в разговор княгиня Эгерланд. – Не могли бы вы, госпожа дипломатический представитель, пояснить, что именно стало причиной бегства ваших предков.

– Если не вдаваться в подробности, княгиня, – ничуть не удивившись вопросу, взялась объяснять госпожа Мозер, – наши предки, не все, но многие, являлись учеными высочайшего класса, людьми, для которых научный прогресс ограничен лишь несколькими моральными императивами²⁰. Такие области исследования, как искусственный интеллект и генетическое конструирование, представлялись им не просто вполне легитимными, но и судьбоносными, так как позволяли надеяться на лучшее будущее человечества. К тому же они чуть не поголовно являлись правыми либертореанцами²¹ со значительной примесью своеобразно переработанных меритократических идей²². Однако, начиная с сороковых годов двадцать первого века, суще-

---

из Гонконга не только поладили между собой, но и организовали жизнеспособный союз, позволивший им стать главной силой по ту сторону Пустоты.

¹⁸ Джаннат аль-ма'ва (араб.) – сады пристанища, одно из названий рая в исламе.

¹⁹ Хиджра – переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, произошедшее в 622 году н. э.

²⁰ Императив – общее нравственное предписание.

²¹ Либертарианство представляет собой набор политических философий, которые поддерживают свободу как основной принцип.

²² Меритократия – власть достойных – принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка.

ствовавшее и прежде давление на ученых, занятых исследованиями в ряде «спорных» областей науки, начало быстро усиливаться. Противниками прогресса в генетике, информатике и биоэлектронике выступали, с одной стороны, религиозные фундаменталисты, а с другой – последовательные левые либералы, ставшие предтечами Нового Социализма... Но вы, кажется, не слишком хорошо представляете, о чем идет речь... Что будем делать?

– Учиться, – улыбнулся Эрик. – И прежде всего, учиться на своих ошибках. Поэтому позвольте мне, госпожа Мозер, предложить следующее. Давайте сегодня мы поговорим о технической стороне вопроса. Отлет с Земли, путешествие через Пустоту, создание вашего государства, а вопросы философии и политики обсудим в следующий раз, освоив терминологию и основные понятия. Как смотрите?

– Положительно, – чуть улыбнулась в ответ дипломатический представитель. – Поэтому для начала скажем так, наши предки пришли к выводу, что им с основной массой населения Земли, так сказать, не по пути, и решили «отделиться». Подготовкой к побегу занимались профессиональные военные и контрразведчики из нескольких европейских стран. Основная масса беглецов – а это сто восемьдесят тысяч человек – думали, что они отправляются в дальнюю колонию, как и все другие эмигранты, под эгидой ООН, то есть на законных основаниях. О побеге, его целях и причинах люди узнали позже, уже на Гронингене. Для большинства это оказалось даже лучше, чем они думали, а меньшинство при нормальной демократии соглашается с большинством, ведь так?

– Не знаю, – улыбнулся Эрик, коротко взглянув на Анну, – мы же из империи, госпожа представитель. У нас монархия, а не демократия.

– Ну да, – кивнула та, – разумеется. Тогда я, пожалуй, кое-что поясню, хотя мы и договорились временно оставить философские вопросы в стороне. В нашем понимании, демократия – это власть народа, осуществляемая через лучших его представителей. И одним из главных принципов такой системы правления – оно называется народовластием, – является то, что в рамках, определяемых конституцией и сводом законов, решающее слово всегда принадлежит большинству, учитывающему, как и следует, мнение меньшинства. В той конкретной ситуации, которая сложилась к моменту прибытия на Гронинген, желание меньшинства оставаться в правовом поле Объединенных Наций вступило в противоречие с мнением большинства, что второй попытки уже не будет. Поэтому решено было оставить все, как есть, – то есть не сообщать властям о местонахождении беглецов – и уж тем более не возвращаться назад. Соответственно, были предприняты попытки найти более пригодную для освоения систему, где-нибудь подальше от границ цивилизации. В ходе этих поисков и была, в конце концов, найдена система планеты Холод. А не проясненный момент, о котором я упоминала чуть раньше, касается того, как именно наши предки перебрались через Пустоту. В Анналах эта часть путешествия изложена весьма кратко и в крайне туманных выражениях. Поэтому мы до сих пор не знаем, как именно наши предки нашли дорогу через Великий Разрыв. И более того, мы даже не знаем, где именно они пересекли Пустоту, поскольку история нынешнего пути нам известна в деталях, и это совсем другая история и другой маршрут...

* * *

– Гибралтар – это не звезда, и не планета, – продолжила между тем свои объяснения адмирал Шлезингер. – Гибралтар – это последняя станция на «Тропе паломников». Грубо говоря, наш терминал по эту сторону Пустоты, ну и заодно название военной базы нашего флота. Тут, в системе, всегда дежурит усиленная эскадра, защищающая ее от любых неожиданностей с той или с этой стороны. Сама же планета называется Терра, но в документах рес-

публики и флотских лочиях значится как «планета Холод-5 в системе звезды Версус²³». Она стала пятой обитаемой планетой нашей республики, оттого так и называется – Холод-5.

«Замысловато, – отметил мысленно Эрик, – но ненамного безумнее топонимов, прижившихся в империи Торбенов или в других человеческих мирах».

– Сколько всего насчитывается Холодов? – спросил он вслух.

– Девять, – коротко ответила адмирал. – Но пятый, вероятно, лучший по своим физическим характеристикам. Впрочем, сами увидите. Вы ведь захотите спуститься на твердь?

Разумеется, они оба – и Анна, и он – хотели спуститься на поверхность планеты, размять ноги, подышать свежим, не кондиционированным воздухом, да и посмотреть на новый во всех отношениях мир было более чем любопытно. И вот через шесть часов «чрезвычайные посланники империи Торбенов» получили такую возможность. Легкий разведывательный фрегат «Вектор-9», отошел от «Ханы Наглер», стремительно приблизился к планете – перегрузки при этом варьировали от двух до трех «жэ», – и пошел вокруг нее, показав мимоходом пару грозных орбитальных крепостей, зависших на геостационарной орбите. Крепости внушали уважение, количество увиденных между делом космических станций и орбитальных заводов – тоже. По всем признакам Холод-5 являлся крупным индустриальным центром и транспортным хабом, что, кроме всего прочего, указывало на наличие значительного населения. По-видимому, вывод этот был настолько очевиден, что Наташа Мозер сочла нужным пояснить:

– Население Терры миллиард двести семьдесят миллионов человек, и продолжает быстро расти.

«Миллиард? – удивился Эрик, сохраняя при этом нейтральное выражение лица. – Когда же они успели так размножиться?»

И в самом деле, четыреста лет назад, когда предки холодян бежали со Старой Земли, их – по самым смелым оценкам – было не более двухсот тысяч, а, скорее всего, как сказала сама Мозер, и того меньше. Превратить такое ничтожное со статистической точки зрения количество людей в миллиард с четвертью – задача нетривиальная, и ведь Терра всего лишь одна из девяти населенных людьми планет республики!

«Генетическое клонирование? – задумался Эрик. – Репродуктивные технологии? Все возможно».

Между тем «Вектор-9» снизился, продолжая свой путь вокруг планеты, и стали видны не только моря и реки, но и обширные площади обработанной земли, леса, промышленные комплексы, а также крупные города.

– Теплый климат, плодородная почва и хорошо прижившиеся на новом месте земные сорта растений и породы животных, – добавила дипломатический советник, завершая краткий географический обзор. – Роскошный мир... С какой стороны ни посмотри.

– Какие растения? – живо заинтересовалась Анна.

На Эно тоже укоренилось кое-что из земной флоры и фауны, но было этого кое-чего до обидного мало. Впрочем, на многих других планетах и того не было. На Эвре, например. Там даже хлеб был не совсем хлеб, поскольку зерновые со Старой Земли попросту не прижились.

– Пшеница и кукуруза, хлопок, рис... – перечислила госпожа Мозер. – Кажется, дубы и липы, какие-то хвойные деревья... Еще что-то, – пожалала она плечами. – Но я точно помню, что в местных лесах – не во всех, а только в терраформированных, – водятся олени, кабаны и медведи. Так что охота на крупную дичь нам обеспечена. Любите охотиться?

«Охота?» – Об охоте Эрик знал крайне мало, да и то исключительно из книг и голофильмов. Не считать же таковой охоту на крыс и диких собак, которой он промышлял в детстве! Другое дело – Анна. Дочь Одо князя Эгерланда²⁴ наверняка хорошо разбиралась в вопросе,

---

²³ *Versus* – против.

²⁴ *Эгерланд* – материк и одноименное княжество на планете Эно. *Хебско* или *Эгерланд* – исторический регион на крайнем

так как охота являлась любимой забавой аристократии, что на Старой Земле, что в империи Торбенон. Да и на Холоде, похоже, все обстоало точно так же.

– А как же санитары леса? – усмехнулась каким-то своим мыслям Анна. – Неужели здесь нет волков?

– Честно сказать, не знаю, но мы спросим у аборигенов, когда приземлимся.

Эрик обратил внимание на слово «аборигены» и сразу же соотнес его с той странной интонацией, которую уловил в речи Наташи Мозер, когда она упомянула о «разных сторонах». Похоже, не все с этой планетой обстоало так просто, как могло показаться при первом знакомстве. Но с другой стороны, хозяева ничего от них с Анной вроде бы не скрывают. Да и зачем бы им что-то скрывать от тех, кого они сами же сюда и пригласили? Напротив, посещение Гибралтара могло служить как минимум двум целям. С одной стороны, такая открытость являлась неким заявлением о намерениях – ведь дружба подразумевает доверие, – а с другой стороны, это откровенное предупреждение, чтобы «дорогие союзники» не наломали дров, сунувшись без спроса туда, куда их не приглашали.

Между тем «Вектор-9» снизился еще больше, прошел метеором над океанским штормом, заложил вираж, огибая по крутой дуге крупный город – Эрику показалось, что доминирующими цветами в нем были белый и терракотовый, – и, резко зайдя на посадку, пружинисто «упал» на все свои восемь лап. Качнулся пару раз вверх-вниз, гася инерцию, и встал как вкопанный.

«Любопытное место», – отметил Эрик, рассмотрев окружающий пейзаж.

Посадочная площадка находилась на дне неглубокой искусственной кальдеры²⁵, построенной из раскрашенного маскировочной «рябью» керамики, и оказалась достаточно большой, чтобы на нее могли одновременно приземлиться пять-шесть таких фрегатов, как «Вектор-9». Впрочем, корабль, на котором они прилетели, долго на поверхности не задержался. Прошло всего лишь пару минут, и вот уже приличного размера кусок посадочного поля начал опускаться вместе с фрегатом вниз. Однако главное Эрик заметить все-таки успел: по окружности «цирка», по верхнему краю чаши, находилось как минимум пять установок ПВО и ПРО. Возможно, их было даже больше, поскольку башен характерного вида было семь, но, скорее всего, в двух из семи фортов размещались силовые установки энергетических щитов и постановщики полимодальных помех. В общем, это было весьма укрепленное посадочное поле. Здесь явно готовились к любым неожиданностям, о чем свидетельствовали также глубина, на которой находился ангар, и весьма характерный маневр, выполненный пилотом «Вектора» при заходе на посадку. Это был так называемый «боевой маневр уклонения», а выполняются такие трюки только тогда, когда существует реальная угроза получить противокорабельную ракету в корму.

«Ну, и с кем же мы воюем?»

– Это превентивные меры безопасности? – повернулся он к Грит Мюстерс. – Или у вас тут и в самом деле военное положение?

– И то, и другое, – ничуть не смутившись, ответила разведчица. – Мы с Трилистником обеспечиваем безопасность «Тропы паломников», а «Форт Фламберг»²⁶, где мы сейчас находимся, – планетарная военная база первой категории. Вернее, первая категория начинается пятью этажами выше, – указала она пальцем вверх, – и продолжается еще метров на триста вниз. Но мы вниз не поедем – нам туда не надо, – а сразу отправимся наверх, к солнцу.

западе Богемии на современной территории Чехии недалеко от границы с Германией. Получил своё имя по городу Хеб, называемому немцами Эгер (*Eger*).

²⁵ *Кальдера* (от исп. *caldera* – большой котёл) – обширная циркообразная котловина вулканического происхождения, часто с крутыми стенками и более или менее ровным дном.

²⁶ *Фламберг* – клинок волнистой (пламевидной) формы, который монтировался на двуручные (реже – одноручные или полоторные) мечи.

Так они и поступили, а наверху, под голубым небом и ярким солнцем – через полчаса времени и многие километры пути, проделанного на стремительных электрокарах, скоростном монорельсе и трех диагональных лифтах, – за пределами «Форта Фламберг», Эрик и Анна оказались уже в городе. Самое интересное, что он так и назывался Урбс.

– Кажется, на латыни «урбс» – означает город, – прокомментировала капитан-лейтенант Мюстерс.

– А разве не «урбус»? – уточнил любознательный Эрик, и на нем тут же скрестились взгляды трех женщин, в компании которых – «Цветник!» – он отправился в путешествие на Холод-5.

– Ты знаешь латынь? – удивилась Анна, которую, казалось, он уже устал удивлять.

– Не то чтобы знаю... – пожал он плечами. – Так, нахватался по верхам.

– Но в основе вашего языка, госпожа советница, – повернулся он к Наташе Мозер, – моему, тоже лежит латынь. Я прав.

– Латынь, – кивнула женщина, соглашаясь с очевидным для Эрика фактом, – а также фламандский язык и небольшие включения из английского и немецкого.

– Добро пожаловать на Терру, господи! – добавила она через мгновение, резко меняя тему разговора.

Как раз в этот момент створки автоматических ворот разъехались в стороны, и перед Эриком открылся вид на широкую, мощенную бурыми и буро-красными плитами площадь, окруженную невысокими трех-четырёхэтажными домами, сложенными из белого камня и темно-красного кирпича. Красиво и необычно, не говоря уже об архитектуре. Вот вроде бы все то же самое, что и везде – во всех человеческих мирах, – и все-таки не совсем. И неспроста.

Выйдя из ворот, врезанных в высокую наклонную стену, отлитую из темно-коричневого керамика, Эрик осмотрелся, пробегаая внимательным взглядом по фасадам домов, фонтану со скульптурной группой, расположившемуся посередине площади, по лицам и одежде людей, оживлявшим движением открытое пространство.

– Они не люди, – это сказала Анна, опередившая Эрика ровно на те несколько мгновений, пока он решал, стоит ли показывать хозяевам, насколько он удивлен. Эрик решил, что не стоит, но Анна взять себя в руки не успела или не смогла. Удивление ее было неподдельным, искренним и столь сильным, что сломало даже жесткую дисциплину, в большинстве случаев позволявшую графине Монк держать свои нервы в узде. Впрочем, ее не в чем было упрекнуть, слишком уж неожиданным стало открытие.

За полтысячи лет космической экспансии человечество так нигде и не встретило братьев по разуму. Высших животных – имея в виду уровень развития нервной системы – найдено было немало, но разумных существ среди них не оказалось. А тут, не успели прибыть на Гибралтар, и сразу же такая, можно сказать, неожиданная встреча. Площадь оказалась людной, вот только по первому впечатлению едва ли не единственными людьми на ней, имея в виду потомков землян, были «члены посольства и сопровождающие их лица». Остальные, за небольшим исключением, – аборигены, как изволила давеча выразиться советник Мозер, людьми, скорее всего, не являлись.

Они были очень похожи на выходцев со Старой Земли, но все-таки не люди. Невысокие – от силы метр сорок, а то и меньше, – тонкокостные, можно даже сказать изящные, с обильным волосатым покровом светлых тонов – от песочного до платинового – скорее наводившего на мысли о мехе или шерсти животных, чем о шевелюре в человеческом понимании. Вообще, звериного в них – на взгляд Эрика – было куда больше, чем у людей, которые тоже ведь не от растений произошли. Но у терранцев эти отличительные особенности – форма глаз, черты «лица», челюсти, превращавшие человеческий рот в подобие звериной пасти, – были гораздо более выраженными.

– Мы называем их элоями²⁷, – прокомментировала ситуацию Грит Мюстерс. – И да, они не люди. Они аборигены Терры. Эволюционировали из местных некрупных хищников, но к тому времени, когда мы открыли эту планету, у них уже была здесь кое-какая цивилизация. Города, дороги, тягловый скот, сельское хозяйство, ремесла... В общем, ранний железный век²⁸. Оружие делали из бронзы и железа, глиняную посуду, керамику, одежду...

– А теперь? – продолжила расспросы успевшая взять себя в руки Анна.

– А теперь они часть нашей цивилизации, – пожав плечами, объяснила Наташа Мозер. – Вам это кажется несправедливым?

– Разумеется, нет, – поспешил заверить гостеприимных хозяев Эрик. – Все разумное – справедливо...

Анна по неопытности могла сказать лишнее. Она, в отличие от Эрика, не знала настоящую жизнь во всех ее скотских проявлениях, а проявления эти порой бывали весьма неаппетитного свойства. В империи Торбенов – не говоря уже о прочих мирах – многие миллионы потомков людей, покинувших в давние времена Старую Землю на космических кораблях, были низведены до уровня примитивного существования, вполне сопоставимого с земным средневековьем. И не специально – в наказание или по злему умыслу, – а просто в силу обычных для молодой цивилизации обстоятельств. Так жило, например, более половины населения планеты Эвр, на которой родился и вырос Эрик. Во всяком случае, Смоляной городок и Туманная долина именно в таком «средневековье» и пребывали. А ведь кое-где в империи существовало даже рабство, хотя сам термин «рабство» никто вслух не произносил. Но, как ни назови невольника, – крепостным, колоном²⁹ или холопом, – он, как был рабом, так рабом и останется, в особенности если является предметом купли-продажи. А торговля людьми – хотя в этом никто в империи официально никогда не признавался – процветала не только на окраинных планетах, на том же богом забытом Эвре, но и на вполне цивилизованных столичных Иль-де-Франс и Эно³⁰. Так что нет, Эрик не собирался осуждать холодян за то, что, вырвав этих вот элоев из эпохи варварства, они пригласили их – пусть и не без помощи кнута – в современное государство. Во всяком случае, одеты терранцы были не в пример лучше, чем большинство людей, которых Эрик видел в детстве на Эвре. Не выглядели они также голодными или угнетенными. Да и ошейников, тем более кандалов, на них не наблюдалось. Свободные люди в свободной стране, вот как они выглядели. И хотя это могло быть ложным впечатлением, похоже, все так на самом деле и обстояло.

– Железный век на Старой Земле продлился примерно полторы тысячи лет, – начала свой рассказ госпожа советница, когда они вчетвером устроились на террасе одного из ресторанов, расположенных в окружающих площадь домах, – и культуры, возникшие в этот период на земном Ближнем Востоке и в Средиземноморье, не говоря уже об Индии и Китае, до сих пор поражают своим богатством и разнообразием. А здесь, на Терре, аборигены продолжали толочь воду в ступе добрых пять тысяч лет, не изобретя за это время даже приличного алфавита. Ни развитых математики и инженерного искусства, ни сформированной государственности, как в греческих полисах или в Римской империи... Ничего. И неспроста. К моменту начала космической экспансии средний коэффициент умственного развития³¹ на Старой Земле колебался

---

²⁷ *Элои* (англ. Eloi) – вымышленная гуманоидная раса, описанная в романе Герберта Уэллса «Машина времени». Путешественник во Времени встретил их в 802701 году. Элои невысоки ростом (до четырёх футов), грациозны, изнежены, слабы физически.

²⁸ *Железный век* – эпоха в первобытной и раннеклассовой истории человечества, характеризующаяся распространением металлургии железа и изготовлением железных орудий; продолжался примерно с 1200 г. до н. э. до 340 г. н. э.

²⁹ *Колон* – сословие полувисимых крестьян в Римской империи периода упадка.

³⁰ *Эно* – столичная планета империи Торбенов. Иль-де-Франс вторая по важности планета империи. *Эвр* – провинциальная планета в империи Торбенов.

³¹ Имеется в виду IQ – коэффициент интеллекта.

в пределах ста плюс/минус три и оставался практически неизменным в течение почти двухсот лет, со времени начала использования соответствующих тестов. Не знали?

– Я об этом знаю, но в самых общих чертах, – вежливо ответила Анна.

Еще бы ей не знать. Курс общей и специальной психологии входил в учебную программу как звездной академии, так и ВАКУ ВКС³². Так что знали эту историю оба, и Анна, и Эрик.

– Продолжайте, Наташа, – чуть улыбнулся Эрик. – Все это крайне интересно. Мы вас внимательно слушаем.

– Не знаю, каково сейчас положение дел у вас, – кивнув в знак согласия, продолжила свой рассказ Наташа Мозер, – но на Холоде, имея в виду именно холодян, средний коэффициент интеллекта на данный момент – сто семнадцать, а у элоев – девяносто два. И это сейчас, а не тогда, когда мы впервые прибыли на эту планету. Почти триста лет под нашим патронажем, приличная система образования и здравоохранения, отсутствие голода и прямого угнетения... И никакого видимого прогресса, господа. Слишком маленький мозг, слишком быстрое его созревание, слишком много врожденных форм поведения... Для сельского хозяйства, сферы обслуживания и работы на промышленных предприятиях, впрочем, хватает. Тем более что мы автоматизировали буквально все, что возможно, но для более сложных задач – скажем, пилотирования атмосферных шаттлов или ремонта сложной техники, – пригодны от силы семь процентов населения...

– Тогда к чему совершать при посадке противоракетный маневр? – спросил Эрик, чтобы собеседники не держали его за дурака. Средний коэффициент интеллекта в имперских ВКС был равен ста пятнадцати, а результат Эрика вообще относился к верхней промилле³³. 163 – один из лучших показателей интеллекта в военно-космических силах.

– Несколько процентов индивидов с IQ в пределах от ста до ста двадцати – это несколько миллионов элоев, среди которых встречаются и те, у кого коэффициент почти дотягивает до границы одаренности³⁴.

На самом деле, ответ был очевиден, поэтому ни Анна, ни Эрик слова госпожи советницы комментировать не стали: везде и всегда, как учит нас история, умные индивиды хотят править сами, а не таскать каштаны из огня для других. Ну а дураками легче управлять, это и ежу понятно.

– Партизанят? – спросил Эрик вслух.

– Планета большая, – пожала плечами капитан-лейтенант Мюстерс, – за всем не уследить. Саботаж, диверсии, индивидуальный террор... Но все это началось не так давно, и думаю, скоро закончится. Мы с террористами не миндальничаем.

«Кто бы сомневался! – усмехнулся мысленно Эрик. – С ними никто и нигде не церемонится!»

2. Пятого марта 2534 года, Гибралтар

Пребывание на Гибралтаре растянулось на двенадцать дней. И это были совсем неплохие дни. Эрик и Анна купались в теплом океане, кушали мясо экзотических животных, приготовленное аборигенами по их же собственным весьма необычным рецептам. Осматривали достопримечательности – древние храмы элоев и высеченные в скалах города-убежища, – любовались красотами природы и даже поучаствовали в религиозной оргии, устроенной ночью в священной роще богини Полной Луны. Впрочем, последнее всего лишь в качестве зрителей, хотя, по утверждению Грит Мюстерс, секс между элоями и людьми принципиально возможен и «некоторым это даже нравится». Признаться, Эрик этих «некоторых» легко мог понять, но

---

³² ВАКУ ВКС – Высшее Адмиралтейское Командное Училище.

³³ Промилле (лат. per mille, pro mille – на тысячу) – одна тысячная доля или 1/10 процента.

³⁴ То есть приближается к отметке 130, после которой начинается область одаренности.

вслух, разумеется, ничего по этому поводу не сказал. Лишь про себя отметил, что невысокие, изящные до хрупкости девушки-террианки, чьи тела спереди покрывает матово-белая кожа, а сзади светлый мех, вызывают всплеск не одного лишь эстетического чувства. Анна тоже предпочла промолчать, но всю ночь поглядывала на Эрика с видимой опаской. Наверное, что-то такое заметила в его реакциях на происходящее, но, к счастью, не захотела это с ним обсуждать.

А накануне отлета из Гибралтара, хозяева, имея в виду постоянно живущих на Терре колонистов-холодянок, устроили для Эрика и Анны «большую осеннюю охоту». И по этому случаю члены посольства и сопровождающие их лица посетили богатое имение местного лати-фундиста – и по совместительству бывшего губернатора Терры, – расположенное в самом сердце огромного лесного массива, искусственно выращенного в предгорьях Гребня Василиска – горной гряды, являющейся главным водоразделом на западе основного континента планеты. Место изумительно красивое и, насколько смог понять Эрик, удобно расположенное со стратегической точки зрения, напоминая этим замки земных «баронов-разбойников», только на новый космический лад.

Огромный дом, построенный из вековых дубов и сосен с обширными вставками из светлого песчаника и темно-красного кирпича. Черепичная многощипцовая³⁵ крыша, высокий фундамент, сложенный из гранитных валунов, многочисленные террасы и балконы, необычной формы окна – Эрик помнил, что такие окна называются венецианскими и французскими³⁶, – и наконец обширный парк с многочисленными флигелями, фонтанами и парковыми постройками. В общем, настоящая имперская усадьба³⁷, наподобие Омута Планка – резиденции адмирала Мельника на Черномозере.

Флайер сел на выложенную гранитными плитами площадку, расположенную прямо напротив парадного входа в дом, и первое, что увидел Эрик, спустившись по трапу, был бронзовый барельеф на гранитной стене справа от высокого крыльца. Темная бронза и светлый камень, и лицо, которое Эрик каждый день видел в зеркале. Его собственное лицо.

– Сюрприз! – усмехнулась капитан-лейтенант Мюстерс, останавливаясь рядом с Эриком.

– Надеюсь, мемориал посвящен не мне? – сухо осведомился Эрик и перевел взгляд на Анну.

Он уже понял, разумеется, в чем тут дело, но никто, кроме него и Грит Мюстерс, этой истории пока не знал. Возможно, некоторые холодянки все-таки были осведомлены о том, что *по праву рождения* Эрик принадлежит к какой-то влиятельной на Холоде семье, но Анне он об этом пока не рассказывал. И не из-за того, что скрытничал или скромничал. Просто Эрик и сам пока еще все это не переварил, и, соответственно, не решил, как относиться к сообщенной ему холодянской разведчицей *правде, как она есть*.

– Я что-то пропустила? – нахмурилась Анна, внимательно изучив бронзовый барельеф. – С каких пор ты стал на Холоде национальным героем?

– Это не то, о чем ты подумала, – махнул рукой Эрик, успевший сообразить, что от судьбы не уйдешь, и что с Анной придется на эту тему объясняться, и как бы даже не *прямо здесь, прямо сейчас*.

– А о чем я думаю? – с неподражаемым шиком подняла бровь княгиня Эгерланд.

---

³⁵ *Многощипцовая крыша*: ее устраивают на домах со сложной многоугольной формой плана. Такие крыши имеют большее количество ендов (внутренний угол) и ребер (выступающие углы, которые образуют пересечения скатов кровли), что требует высокой квалификации при выполнении кровельных работ.

³⁶ *Венецианское окно* – форма трехчастного окна, типичного для палладианской архитектурной традиции. *Французское окно* – панорамное окно до пола с раздвижными створками.

³⁷ *Усадьба* – в русской архитектуре отдельное поселение, комплекс жилых, хозяйственных, парковых и иных построек, а также, как правило, усадебный парк, составляющих единое целое.

– Анна, – вмешалась в назревавший конфликт госпожа Мозер, – потерпите еще немного. Мы только хотим удивить хозяина этого поместья, а потом сразу же дадим вам и ему все необходимые разъяснения.

– Немного? – чуть дернула губой Анна. – Пусть будет так. Продолжайте интриговать!

Впрочем, интрига долго не продлилась. «На крыльцо», чтобы встретить прибывших, вышел хозяин дома, которого советник Мозер представила «посольству» как Виктора де Мойна, и форменным образом обалдел. Человек он был уже немолодой и специальной подготовки, по-видимому, не проходил ни дома, ни на службе, вот и дрогнул лицом, не сумев сдержать нахлынувшие на него чувства. Уперся взглядом в Эрика и остолбенел.

– Виктор, – вступил в разговор сопровождавший в этот день гостей новый губернатор провинции Лео Брюин, – разреши представить тебе дипломатических посланников империи Торбенов Анну, княгиню Эгерланд, и капитан-лейтенанта Эрика Минца, графа Голденрейна. И не удивляйся, ради бога, что граф похож на кузена твоей матери. Скорее всего, он сын Якоба, ну или в крайнем случае внук Артура, но родился он не на Холоде, а в империи Торбенов и до последнего времени ничего о своем происхождении не знал...

Сказать, что Виктор де Мойн удивился, значит ничего не сказать. Он был без малого потрясен, поскольку, если допустить, что отцом Эрика был именно Якоб Вильф, то получалось, что сейчас он находился в гостях у своего пусть и не родного, но все-таки племянника. Соответственно, это и стало основной темой разговора за поздним обедом, поданным в роскошно декорированной малой столовой бурга³⁸ де Мойн. Вот тогда из рассказа гостеприимного хозяина Эрик и узнал наконец, кто такие Вильфы и откуда они взялись. На самом деле, фамилия эта была выдуманная, вернее образованная из двух фамилий, принадлежавших основателям рода, Ирине Вилковой, входившей в состав сената республики Холод первого созыва, и ее супругу Борису Фокину – первому президенту холодянской Академии Наук. Так что по меркам, как империи, так и республики, Вильфы являлись древним аристократическим – вернее, принадлежащим к нобилитету республики – родом. Старинный, знатный и, судя по всему, чрезвычайно богатый и влиятельный клан, находящийся в родстве с большинством других ноблей Холода. За четыреста лет, прошедших со времени бегства первых колонистов со Старой Земли, Вильфы дали республике немало знаменитых политиков, ученых и военных. И еще одна, но немаловажная деталь: начиная с сына Вилковой и Фокина Дмитрия Вильфа в семье за прошедшие четыре столетия родилось восемнадцать мужчин, повторявших в деталях исходный генотип, и Эрик, исходя из данных генетической экспертизы, был девятнадцатым и, следовательно, принадлежал к основной линии наследования. А мемориал был посвящен одному из его дальних предков – адмиралу Вильфу, тому самому холодянину, который положил начало колонизации Терры.

* * *

– Итак, ты холодянин и природный аристократ, – Анна сидела около туалетного столика, смывала перед сном грим и смотрела на Эрика через зеркальное стекло.

– Ну какой я, к черту, аристократ! – возмутился он, услышав, о чем она думает. – Я в такой клоаке вырос...

– Не скажи, – возразила она, прерывая его на полуслове. – В тебе, Эрик, породу трудно не заметить. Просто раньше никто не знал, откуда это в тебе. А теперь я знаю. Виктор сказал, что на Холоде осталось всего полста первородных семей, а нобилитет, как я понимаю, это та же аристократия, что и в империи, только называется по-другому...

«Да уж! – вздохнул мысленно Эрик. – Не было ни гроша, да вдруг алтын».

---

³⁸ Бург (нем. Burg) – крепость.

Он вырос, ничего не зная о своей семье, и предпочитал даже не задумываться над тем, кем были его отец и мать. Опыт жизни в Смолянском городке если чему и научил Эрика, так только тому, что *плодятся и размножаются* в тех местах только окончательные подонки и неудачники. Наркоманки, шлюхи, бандитские подстилки... Кем еще могла быть его мать? Умственно отсталой служанкой в каком-нибудь притоне, брошенной любовницей, от которой отказалась семья... Ну и кем же в таком случае мог быть его отец? Насильник, бандит или такой же опустившийся бездомный, как и та дура, которая умудрилась от него залететь. Эрик на этот счет иллюзий не питал, оттого и предпочитал о родителях не думать. Теперь же – буквально в одночасье – все переменялось, и эта перемена заставляла его нервничать, чего Эрик, если честно, делать не умел и, соответственно, не любил.

Когда чуть больше месяца назад Грит Мюстерс рассказала ему о своем «частном проекте», он не то чтобы ей не поверил, но отнесся к озвученной ею версии весьма равнодушно. Чисто теоретически – на уровне логики и здравого смысла – ее версия событий была безупречна. Внешнее сходство и генетическая близость в сочетании с тем фактом, что и Артур, и Яков Вильфы пропали «на другой стороне» – все это говорило в пользу того, что Эрик и в самом деле является Вильфом, а значит, как минимум по отцовской линии происходит из весьма уважаемой семьи. Следовало предположить, что чем бы ни занимался этот Вильф на их стороне Пустоты, как бы ни сложилась его жизнь, вряд ли он опустился настолько, чтобы *бросить семя в гнилую землю*. Наверняка и мать Эрика была не безродной бродяжкой, а то, что расти ему все-таки пришлось в той клоаке, которая называлась Смоляным городком, наверняка результат какой-нибудь ужасной катастрофы, которая постигла его родителей.

Все это он понял сразу же после первого разговора с Грит Мюстерс, но, как ни странно, принял и осознал только теперь. Внешность, здоровье, интеллект и врожденное стремление к успеху не могли появиться «сразу вдруг»: неожиданно и ниоткуда. Такое, говорят, случается иногда, но, как выясняется, это не его случай, потому что у него – и это главное – есть прошлое, есть семья, есть долгая история поколений, которых за четыреста лет наберется никак не меньше полутора десятков. Наверняка больше, но не в этом суть. Сейчас, когда Эрик вполне осознал случившуюся с ним перемену, ему не терпелось поскорее добраться до Холода, на котором располагается штаб-квартира его семьи, и узнать подробности возникновения его генетической линии, – например, кем на самом деле являлись Вилкова и Фокин, – историю рода, жизнеописание семьи. И еще одно. Сегодня он впервые встретился со своим родственником. И неважно, кем ему приходится Виктор де Мойн, троюродным братом или внуком четвертой степени родства. В любом случае это первый, но отнюдь не последний живой родственник Эрика. Человек, обладающий именем, внешностью и собственной историей жизни. И вот это совершенно новое для себя обстоятельство Эрику теперь предстояло встроить в сложившуюся у него много раньше концепцию мира. Встроить и научиться с этим жить.

– О чем задумался? – Оказывается, он пропустил момент, когда Анна прервала процесс отхода ко сну, встала с пуфика, на котором сидела, и подошла к нему. Не близко, а так чтобы видеть глаза, не слишком запрокидывая при этом голову.

– Осмысливаю факт своего перехода в новую категорию...

– Не в первый раз, разве нет?

– Да нет, – покачал он головой. – Смена социальной группы... пожалуй, даже сословия... и семейного статуса заодно. Такой крутой поворот все-таки впервые. И эта роль мне совершенно незнакома.

Глава 2

Охота

1. Шестое марта 2534 года, Терра

Жизнь в бург де Мойн сильно отличалась от всего, что Эрик знал прежде. Возможно, отец Анны жил иначе, но даже на вилле Омут Планка – а она в представлении Эрика являлась чуть ли не земным воплощением Валгаллы, – и близко не было такой расточительной роскоши, как в этом «деревенском имении». Одних слуг – людей и эллов – здесь «проживало» едва ли не семь десятков. И это ведь только те, кто попался Эрику на глаза за прошедшие полтора дня. Даже к ним с Анной сразу же – едва они переступили порог этого гостеприимного дома, – приставили несколько слуг и служанок, чтобы гости ни в чем не испытывали нужды. При этом, имея в виду, что имперцы с элловыми познакомились совсем недавно, горничные княгини и камердинеры кавалера Минца являлись очевидными потомками людей. Поэтому не странно, что Анна сразу же поинтересовалась у одной из своих служанок, не холодыня ли она. Но нет. Оказалось, что все люди, служившие в доме, являлись вольнонаемными с какой-то дальней, затерянной в глубинах космоса аграрной, а значит, крайне бедной планеты. Мир этот назывался Ирием, что, по словам служанки, означает Рай, но она затруднялась объяснить, из какого языка или из какой культуры Старой Земли взято это слово. Она лишь заметила, что холодыни нанимают ирианцев часто и охотно, поскольку те мало чем отличаются от нанимателей внешне и, кроме того, абсолютно лояльны, ни разу не нарушив оказанное им доверие.

– Случается, что вступают в отношения? – элегантно сформулировала следующий очевидный вопрос княгиня Эгерланд.

– Вы имеете в виду секс? – ничуть не смутившись, переспросила темноволосая и довольно высокая девушка.

– Да, – подтвердила Анна, бросив быстрый взгляд на присутствовавшего при разговоре Эрика.

– Хотите, чтобы я дала вашему спутнику, или вы сами?.. – Наивный цинизм вопроса пробрал до костей даже Эрика, что уж говорить об Анне, которая мгновенно стала попросту пунцовой.

– Нет, – покачал головой Эрик, видя, что княгиня утратила временно дар речи, – это лишнее.

– Ну, как знаете, – пожала плечами ирианка, – дело вкуса. Если хотите, могу подобрать вам на ночь элойку. Они, конечно, нам не чета, но некоторым нравится.

– И щелка у них порядком уже, – хихикнула девушка. – Говорят, похоже на анальный секс.

– Нет, спасибо, – поспешил Эрик расставить точки над «i». – Я сплю с княгиней. Мне этого достаточно. Но я хочу спросить. Допустим, я действительно захотел, чтобы ты осталась на ночь. Княгине ты бы тоже предложила подобрать себе партнера по вкусу?

– А как же иначе? – удивилась девушка, она была молода и вполне привлекательна как женщина, хотя и не вызвала у Эрика ощутимого желания тут же затащить ее в постель. – Хозяин распорядился, чтобы его гости ни в чем не имели нужды...

– То есть, – решил уточнить Эрик, забыв даже посмотреть на Анну, – ты «служанка за всё»?

Вопрос, если честно, был сформулирован так себе, но горничная его поняла как есть, хотя оба они – и Эрик, и девушка-ирианка – холодынским языком владели весьма посредственно. Не поняла она другое.

– А что? – искренне удивилась она, но самое интересное, что и Эрик не слишком хорошо понимал, что его вдруг так зацепило в этом вопросе. В империи тоже ведь много чего случилось. И хозяин в большинстве случаев барин, в полном смысле этого слова. Да и доступность «договорного секса» представлялась явлением повсеместным и самоочевидным во всех своих проявлениях. Эрик и сам еще мальчишкой ходил вместе с Андреем Мельником в публичный дом, да и потом, когда учился на Эно на курсах переподготовки командиров атакующих фрегатов, тоже жил отнюдь не анахоретом. Всякого навиделся.

– Да нет, – пожал он плечами, – ничего. Но... Я хотел спросить, а что будет, если какая-нибудь барышня из ваших понравится холодянину по-настоящему?

– Так некоторые через это гражданство получают, – служанка явно не понимала, о чем, собственно, идет разговор.

– А замуж ваших берут? – все-таки уточнил Эрик.

– Случается, – вздохнула собеседница, – только редко. Холодяне мужчины разборчивые, да и выбор у них, сами понимаете, богатый.

– А холодянки? – вступила в разговор очухавшаяся наконец Анна. – Они как?

– Переспать одно, а замуж идти за одного из наших – совсем другое, – резонно объяснила ситуация служанка. – У наших же ни денег, ни перспектив на Холоде нет. Зачем они холодянкам?

В принципе, пустой разговор, но Эрика он заинтересовал, поскольку позволил посмотреть на республику Холод под новым углом зрения. Судя по тому, что он услышал, Холод был точно такой же империей, как и государство Торбенов. Вся разница, что холодяне, в отличие от имперцев, не спешили включать в свой состав все подряд доступные для колонизации территории. А если все-таки включали, то относились к ним как к колониям в полном смысле этого слова. Холод в этом смысле являлся классической колониальной империей, и это не характеризовало его ни с плохой, ни с хорошей стороны. Это был всего лишь факт, который стоило иметь в виду, особенно если, по странному стечению до сих пор никак не проясненных обстоятельств, Эрик оказался плоть от плоти холодянского нобилитета.

2. Седьмое марта 2534 года, Терра

– Опасных хищников в здешних лесах немного, да и те мелкие, – Виктор де Мойн усмехнулся и показал на голову животного с ощеренной пастью. – Для эллов мантикор³⁹ довольно крупный зверь, но для людей – нет. Хотя и расслабляться не стоит: мелкий, но все-таки хищник, и инстинкты у него соответствующие. Не трусит и не отступает, так что может и покусать. Или когтями «поцарапать», – показал хозяин на чучело зверька размером с черно-бурую лису, какие прижились в лесах на Иль-де-Франс.

Сантиметров семьдесят в длину, не считая хвоста. Вес килограммов под десять-двенадцать. В широкой, сплюснутой по вертикали пасти острые зубы, но главное оружие охотника – длинные верхние клыки, как у какой-нибудь саблезубой кошки. Видел Эрик голограммы этих монстров в музее естественной истории, но мантикор на кошку совсем не похож. Скорее, напоминает куницу, но и это не вполне уместное сравнение, поскольку мантикор – терранский эндемик⁴⁰ и никаких аналогов в животном мире Старой Земли не имеет. В охотничьем зале бурга были выставлены сразу три чучела этих «мелких», но опасных хищников и несколько их голов, укрепленных на ромбовидные щиты из мраморного дуба.

³⁹ Автор затрудняется сказать, почему поселенцы Терры называли этого зверя мантикором. В земной мифологии мантикора – чудовище с телом льва, головой человека и хвостом скорпиона.

⁴⁰ *Эндемики* («местный») – специфическая составная часть какой-либо флоры, фауны. К эндемикам относят виды, роды, семейства или другие таксоны животных и растений, представители которых обитают на относительно ограниченном ареале, представлены небольшой географической областью.

– Впрочем, сам он на людей не нападает, – продолжил инструктаж Виктор де Мойн, – но может решить, особенно если оголодал, что подстреленная вами дичь – его законная добыча. Тогда вам стоит отступить. Не имея опыта, с мантикором лучше не связываться. Единственное утешение, что сейчас безопасный в этом смысле сезон, еды у них достаточно и без нас. Ну и еще, пожалуй, стоит отметить, что мантикоры охотятся в одиночку, в крайнем случае парами. Они живут семьями, а не стаями. Одним словом, не стайное животное...

Слушать де Мойна было интересно, но не более того. Эрик за себя был спокоен – силы и скорости реакции ему должно было хватить на двоих: и на себя, и на Анну. Смущало лишь то, что охотились на Терре исключительно с холодным оружием. Но и в этом случае в умелых руках десантный нож, мачете или арбалет не менее опасны, чем винтовка, разрядник или лазер.

– Держись рядом со мной, и все будет в порядке, – шепнул он Анне, когда, разбившись на пары, охотники вошли в лес.

– Я, между прочим, как и ты, боевой офицер ВКС, – зло шикнула на него неожиданно обидевшаяся женщина.

Эрик на это ничего не ответил. Промолчал, чтобы не связываться, но про себя даже головой покачал. Ну при чем здесь это! Боевой офицер ВКС – это в любом случае не десантник и не морпех. Другая подготовка, и выживание как предмет в учебную программу военно-космических академий не входит. Другое дело, что Анна, как, впрочем, и все остальные аристократы империи, наверняка участвовала в охотах с раннего детства. Но и это ни о чем не говорит. В империи, как, впрочем, и здесь, на Терре, охота – это своеобразный вид спорта со своими правилами и давно и в деталях отработанными механизмами безопасности, но есть и отличия. В империи – это, прежде всего, охота с огнестрелом. В основном используются гладкоствольные ружья и винтовки, реже – разрядники. Есть, конечно, и экстремальные виды спорта, типа с рогатиной на медведя или с копьем на вепря, но Эрик полагал, что Анна вряд ли увлекалась такой экзотикой. Наверняка охотилась с винтовкой и, скорее всего, с приличной оптикой. А сегодня у них ничего серьезнее арбалета в руках не будет, а из него стрелять совсем непросто. Во всяком случае, это не одно и то же, что палить из охотничьего ружья.

– Давай не будем спорить! – предложил он.

– А давай попробуем! – усмехнулась Анна, в которой ни с того ни с сего проснулся дух противоречия.

– Нет! – остановил ее Эрик. – Тут, княгиня, одно из двух. Или ты слабая женщина и в силу этого обстоятельства позволишь мне позаботиться о твоей безопасности, или – офицер ВКС. Но в этом случае, госпожа младший лейтенант, извольте выполнять приказы старшего по званию. Вы все поняли?

– Ну, почему так выходит, что ты всегда оказываешься прав? – поморщилась Анна, но выступать перестала и молча пошла вслед за Эриком.

Он тоже не стал обострять и, следуя карте, повел напарницу на восток, к берегу озера, куда, по словам местного егеря-элая, худо-бедно говорившего по-холодянски, приходят на водопой терранские олени, которых поселенцы называли замбарами в честь каких-то парнокопытных со Старой Земли. Как эти животные называются по-элойски, егерь не сказал, отметил только, что замбары меньше тех оленей, к которым привыкли люди, – обычные олени водились в другом заповеднике, там же, где земные волки и медведи, – но зато рога у них, как и у земных животных, растут отнюдь не для красоты, так что лучше под их удар не попадать. Ну, Эрик, собственно, и не собирался. Он хоть никогда и не охотился по всем правилам, имел в этом деле немалый опыт, но главное – понимал, что здесь к чему.

Охота на крыс, кошек и собак – тоже охота, хотя и своеобразная. Однако научить может многому, особенно когда ты и сам от горшка два вершка. А Эрик, к слову, успел побывать в трущобах Смоляного городка не только охотником, но и дичью. Пару раз – и не только собаки, но и люди – охотились именно на него. Однако, что гораздо важнее для данного конкретного

случая, Эрик хорошо знал лес. Конечно, местный лес, сплошь состоявший из деревьев земных пород – дубы, ясени, сосны и кедры, – сильно отличался от знакомой Эрику эврианской тайги. Приют, в котором он вырос, располагался на берегу горного озера, в самом сердце реликтовых эндемических лесов северного полушария планеты, и Эрик даже в малолетстве без страха ходил через лес в город за книгами, а это километров семь-восемь в одну сторону, к Трехтактному каскаду, что тоже не близкий край, или к южному склону Ушастой сопки – единственному месту в округе, где росла съедобная эврианская «малина». Отчасти его бесстрашие было связано с детской непосредственностью, – душа Эрика в ту пору, как, впрочем, и сейчас, – но уже совсем по другим причинам, не ведала страха смерти. Но в большей мере отсутствие страха было оправдано тем, что Эрик достаточно быстро разобрался со всеми опасностями, которые поджидают ребенка в дремучем лесу, и научился им противостоять. Он умел ориентироваться даже в по-настоящему густой чаще, ни разу не заплутав там не только днем, но и ночью. Сам передвигался среди древесных стволов и подлеска практически бесшумно – даже если землю между деревьями покрывал сушняк вперемежку с прелыми прошлогодними листьями, – но при этом слышал все, что происходит вокруг него на многие десятки, а то и сотни метров. Знал, кого следует опасаться, и тех, кто ребенку – если, конечно, не лезть на рожон – никогда не причинит вреда.

Вот и сейчас, неторопливо продвигаясь по лесу, он вел Анну по наиболее удобному маршруту, безошибочно определяя участки, где они – то есть, разумеется, одна лишь княгиня Эгерланд – производили меньше всего шума и расходовали наименьшее количество сил. Сам он довольно быстро поймал ритм и стиль ходьбы, лучше всего подходящие для этого именно леса, и не столько шел, сколько скользил между древесными стволами, похожий даже при своих немалых габаритах скорее на бесплотную тень, чем на живого человека. Анна его таким еще никогда не видела и, судя по нескольким перехваченным взглядам, как бы украдкой брошенным на Эрика, находилась под впечатлением очередного своего открытия, проходящего под рубрикой «Кто он, Эрик Минц, и с чем его едят?» Как ни странно, Эрику эти ее взгляды понравились. Оказалось, что и он, как и многие другие, знакомые и незнакомые ему люди, не чужд некоторой, пусть даже самой крохотной, толики тщеславия. Что ж, это было немаловажное открытие. Из-за одного этого стоило отправиться на терранскую охоту. Но, с другой стороны, переживать здесь было не о чем. Признание своих достоинств никому еще не навредило, как, впрочем, и восхищение, отразившееся в глазах небезразличной тебе женщины. Главное, не перегибать палку и не забывать о скромности. Но Эрик об этом, кажется, никогда и не забывал, воспринимая и хвалу, и хулу в должной пропорции, и всегда прежде всего думая о деле, а уж потом о том, каким его видят в этом деле другие люди.

Между тем время шло, и Эрик с Анной в нормальном темпе продвигались к цели своего путешествия. Троп здесь не было. Во всяком случае, за полтора часа пути ничего похожего на звериную тропу Эрику не попалось, но он был уверен, что держит правильное направление, и Анна, следившая за дорогой по встроенному в коммуникатор навигатору, время от времени это подтверждала. Она же первой и забила тревогу.

– Эрик, – тихо шепнула женщина, приблизившись к нему практически вплотную, – что-то не так. Связь пропала!

Говорила без паники, но равнодушно, и явно опасалась чужих ушей, что при ограниченной видимости в густом лесу совсем не лишнее.

«Умная девочка! – похвалил ее мысленно Эрик, в последнее время постоянно забывавший, что «девочка» старше его как минимум на четыре года. – Думает быстро и выводы из фактов делает правильные!»

Он все-таки проверил данные на своем приборе, но – увы – все обстояло именно так, как сказала Анна: две минуты назад прервалась связь, как с орбитальными спутниками, так и с местными стационарными ретрансляторами. Ничего непоправимого, впрочем, пока не слу-

чилося: карта местности из памяти навигатора никуда не делась, маршрут, пройденный Эриком и Анной, – тоже, ну и компас, разумеется, продолжал нести свою верную службу. Но это, если исходить из предположения, что в системе планетарной связи произошел неожиданный и непредвиденный технический сбой. Однако, даже не будучи параноиком, Эрик, как и Анна, подумал о другой, и кстати сказать, вполне вероятной причине обрыва связи. Точно такого же эффекта можно добиться, изолировав район, в котором они находились, с помощью специальных и не то чтобы очень уж сложных в применении средств. Три средней мощности прерывателя сигнала, поставленные в вершинах условного треугольника с длиной ребра в пятнадцать-двадцать километров, и дело сделано: ни ориентации, ни связи, ни пеленга, и ты остаешься «посредине нигде», один на один с дикой природой и недобрыми людьми. Ну или элоями. Такая возможность тоже не исключалась. Во всяком случае, Эрик ее вычеркивать из списка потенциальных угроз сразу же не стал.

– На месте оставаться нельзя, – решил он, наскоро обдумав ситуацию, а думал он, как обычно, быстро, но без верхоглядства. – Если связь не восстановится в ближайшие четверть часа, будем возвращаться к охотничьему замку де Мойнов, но не по своим следам, а по широкой дуге, – показал он предполагаемый маршрут на карте. – Это километров двадцать по пересеченной местности, но береженого бог бережет. Согласна?

– А ты дорогу найдешь? – Вопрос закономерный, поскольку идти предстоит без навигатора и вообще без подсказок.

Если бы они стали возвращаться по своим следам, это было бы несложно и достаточно быстро: всего чуть больше пяти километров по прямой, имея в распоряжении и карту, и шагомер, и компас. А так вся надежда на Эрика, на его охотничьи инстинкты и великолепное чувство пространства, которое одинаково хорошо действовало не только за пределами атмосферы, но и на тверди.

– Не беспокойся, – заверил он Анну. – Я найду дорогу. Пошли!

Он и в самом деле не сомневался, что сориентируется – карты и компаса для этого более чем достаточно – и выведет их к охотничьему замку семьи де Мойн. Опасался он другого. Интуиция подсказывала, что обрыв связи произошел не случайно, и что те, кто его организовал, того и добивались, чтобы Эрик и Анна – и, возможно, не только они – оказались в лесу одни. Кто это был и каковы их мотивы, узнать сейчас было затруднительно, хотя и небезынтересно. С ходу в голову приходило лишь два возможных сценария. Ну, может быть, если подумать, то целых три. И первый из этих сценариев – политический. Их обоих – Эрика и Анну – хотят убить, чтобы сорвать сближение Холода с мирами *по ту сторону Пустоты*. В этом случае речь идет или о внутренней политике Холода, или о шпионаже в пользу какой-то третьей стороны. Трилистника, например, или любого из Неассоциированных Миров Открытого Космоса. У любого из игроков на этом многомерном шахматном поле могут быть свои интересы и свой взгляд на то, «что такое хорошо и что такое плохо». Не говоря уже о морали и прочей этике.

Однако все это – если это, разумеется, действительно покушение, а не досадное стечение идиотских обстоятельств – могло иметь куда более прозаическое объяснение. Второй сценарий можно было бы назвать «меркантильным». Семейное дело, так сказать, и никакой большой политики. Могло случиться и так, что в силу неизвестных Эрику юридических и финансовых обстоятельств кое-кому совершенно не нужен неизвестно откуда упавший им на голову родственник, претендующий в силу близкого родства с «кланообразующей семьей» на некую часть наследства. Людей, насколько знал Эрик из истории и литературы, и за меньшее убивали, а Анна в этом случае попадала в разряд сопутствующих потерь. Впрочем, она безвинно попадала под раздачу и в третьем сценарии, который можно было условно назвать «карательным». Перед домом де Мойнов находится построенный совсем недавно мемориал в честь Петра Вильфа – одного из дальних предков нынешнего хозяина латифундии. Но адмирал Вильф был прежде

всего известен тем, что покорил Терру, сделав ее частью республики Холод. Соответственно, если для колонистов-холодян он наипервейший герой, а для некоторых еще и причина непреходящей гордости, то для эллов адмирал Вильф – главный злодей. Так что аборигены вполне могли решиться на акт индивидуального террора, причиной которого является обыкновенная месть. Возмездие, так сказать, но и в этом случае Анне просто не повезло оказаться не в том месте, в неподходящее время, но главное, в компании не с тем человеком.

За размышлениями прошло минут пять, но связь за это время так и не восстановилась, что наводило на размышления, так как выглядело более чем подозрительно.

«Если, конечно, это не война...»

Война событие маловероятное, но даже если это все-таки война, должны же иметься у холодян резервные каналы связи? Даже внезапная атака на планету, а Гибралтар – это все-таки не обычная система, а настоящая звездная крепость, обрушить всю связь разом – это практически непосильная задача ни для одного известного Эрику флота. Да и небо в этом случае недолго оставалось бы настолько голубым и безмятежным. Тут бы уже такая карусель закрутилась, что мама не горюй, ведь масштабная атака на планету – а по-другому в этом случае и быть не может – незаметной остаться не может по определению. Но если не война, тогда остается только одно – покушение, и не важно тогда, кто и по какой причине его организовал. Какие бы ни были мотивы, результат один – нападение.

Итак, прошло пять минут, но связи по-прежнему не было, и означать это могло одно – скоро их атакуют. Ну, не сразу, естественно, но и тянуть заговорщики не станут, поскольку чем дольше длится пауза, тем больше вероятности, что встревоженные хозяева начнут Эрика и Анну искать. Так что в запасе у них не более четверти часа.

«Маршрутизатора, будем надеяться, у них нет, – рассуждал Эрик, выводя Анну к ручью, – но они знают, куда мы шли перед тем, как пропала связь, и легко вычислят наше местоположение. Хотя бы приблизительно».

Ну, а если у злодеев имелся доступ к коммуникаторам посланцев империи, вернее даже не к самим коммуникаторам, которые сумеет еще взломать, а к сигналам триангуляции, идущим на спутники и со спутников, то они осведомлены о местоположении Эрика и Анны с точностью до десятков метров.

– Идем по воде, – коротко объяснил он Анне и шагнул в неширокий и мелкий ручей.

– Почему вниз по течению? – удивилась женщина.

– Потому что логика подсказывает, что идти надо вверх.

– Тогда ладно, – пожала плечами княгиня Эгерланд, а Эрик на мгновение задумался, поняла ли она то, о чем идет речь, или нет?

Ведь тут принято не одно допущение, а сразу несколько. Потому что по логике вещей, если уж не идти обратно по собственному следу, то вверх по течению – и ближе, и надежнее, поскольку русло в этом случае дает отличную привязку к местности, даже если ориентируешься на карте с пятого на десятое. Именно поэтому Эрик решил идти вниз. Не бог весть какая уловка, но в сочетании с другими мелкими хитростями может создать преимущество, о котором противник даже не подозревает.

Войдя в воду, Эрик уже не останавливался, стараясь двигаться настолько быстро, насколько неровное дно ручья позволяло Анне. Сам он, разумеется, мог идти быстрее, но для женщины – даже если бы она смогла за ним угнаться – это наверняка закончилось бы вывихом лодыжки. Впрочем, и медлить было нельзя. Время уходило, и вместе с ним заканчивалась отпущенная им фора. Поэтому, собственно, Эрик и предпочел маскировке на местности разумную скорость передвижения. Естественно, они производили довольно много шума, но зато достаточно быстро добрались до речушки, текущей с севера и резко сворачивающей как раз в месте впадения в нее ручья на восток, то есть в сторону фактически противоположную

их цели. Теперь у возможных преследователей снова появится выбор, и есть надежда, что они пойдут вверх по течению, то есть на север, а не вниз – на восток.

Речка была куда шире ручья, но при этом неглубокая – глубины в ней было Анне по пояс – и не слишком быстрая. Идти сразу стало труднее, но ненамного. И следующие четверть часа Эрик и Анна двигались без помех, хотя и не так быстро, как по ручью. Конечно, плыть было бы и быстрее, и удобнее, но Эрик помнил, что оружие и снаряжение им еще могут пригодиться, а плыть с полной выкладкой гораздо труднее, чем идти. И опять-таки, будь он один, наверняка поплыл бы, но Анне такой заплыв не по силам, даже если Эрик возьмет себе ее оружие.

За следующие сорок минут они «сплавились» прямо к тому озеру, к которому изначально и направлялись, но примерно в километре-полтора от того места, куда выходили звериные тропы и где находился главный водопой. Здесь их точно не ждали, поскольку им в этих местах попросту нечего было делать. Но это только на первый взгляд. На самом деле, именно отсюда начиналась двадцатикилометровая дуга, выводившая окольными, а значит, и неочевидными путями к усадьбе де Мойнов. Причем не к парадному подъезду, а сзади, со стороны хозяйственных служб. И прийти туда Эрик с Анной должны были уже в сумерках, если и вовсе не ночью. К этому времени особы с эскадры адмирала Шлезингер и местные безопасники должны были уже развернуть там – а где еще? – штаб поисково-спасательной операции. Ну, а выходить к спасателям, которые уж точно ничего не затевают, – поскольку к вечеру вопрос будет на контроле практически у всех властных структур планеты, – лучше все-таки без фанфар и литавров, потому что береженого, как говорится, бог бережет. На завершающем этапе пути Эрик предполагал оставить Анну в каком-нибудь укромном месте, а самому тихой сапой пробраться на территорию бурга и там, по возможности, не привлекая к себе внимания, вступить в контакт с кем-нибудь из знакомых офицеров эскадры. Таков был план, но недаром предки на Старой Земле по такому именно поводу говорили: если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

Начать с того, что не успели Эрик и Анна пройти и пяти километров, как их попробовали вульгарным образом пристрелить. К счастью, целились именно в Эрика, а он реагировал не в пример быстрее своей компаньонки: услышал посторонний звук, насторожился и успел – буквально в последний момент – уклониться от летящей ему в спину стрелы. Отшатнулся, упал, одновременно отбрасывая в сторону не успевшую ничего понять Анну, шепнул ей строгое *«Лежать, не двигаться!»* и пополз выяснять отношения со стрелком. Теперь, когда он включился в игру, удалось «расслышать», что противник у них всего один. А с одиночкой – пусть даже опытным и хорошо вооруженным – справиться было несложно. Правда, добраться до негодая, не выдав при этом своих намерений, Эрик не смог. Оказался излишне шумным, да и противник ему достался качественный, умеющий слушать лес. Так что на последнем отрезке пути Эрику пришлось еще раз уклониться от стрелы, но на этом, собственно, все и закончилось. В рукопашном бою элою, похожему сложением на сказочного эльфа, нечего было противопоставить боевой машине по имени Эрик Минц. Или теперь его следовало называть Эриком Вильфом? Впрочем, на данный момент это было несущественно, поскольку бил Эрик не представившись. От первого удара элой все-таки увернулся – быстрый парень, натренированный, – второй удар с трудом, но парировал, наверняка заработав при этом перелом лучевой кости правой руки, но от третьего – в челюсть – попросту потерял сознание. Челюсть, скорее всего, тоже не уцелела. К сожалению, ждать, пока злодей очухается, было нельзя. Да и не факт, что достаточно быстро удастся договориться, не говоря уже о том, что «эльф» мог попросту не знать холодянского языка. В предыдущие дни этот факт немало удивил обоих, и Эрика, и Анну: неужели четырехсот лет недостаточно, чтобы население оккупированной планеты выучило наконец язык завоевателей? Получалось, что недостаточно. Во всяком случае, на Терре холодянским в той или иной степени владели хорошо, если двое из десяти элоев.

– Ты его убил?

Эрик оглянулся на подошедшую к месту схватки Анну, отметил, что арбалет она держит на взводе и, что характерно, не психует, и одобрительно кивнул:

– Молодец!

– Ты о чем? – не поняла женщина.

– Держись хорошо, – объяснил Эрик и наконец ответил на заданный ею вопрос: – Не убил, хотя и следовало бы.

– Поднявший меч, – процитировала Анна кого-то из флотских классиков, – от меча и погибнет?

– Да нет, – усмехнулся в ответ Эрик. – Просто убить этого болвана было бы милосерднее. А так звери сожрут... Пошли!

И они пошли. Но далеко уйти не удалось. Едва продвинулись километра на три в правильном направлении, как Эрик услышал шум погони. Шумели несильно, двигались умело и крайне аккуратно, но интуиция подсказывала, что преследуют посланцев империи снова не люди, а элои, и на этот раз, похоже, целой группой.

– За нами погоня, – сказал он, сворачивая в сторону замшелых валунов, образующих вместе с несколькими деревьями нечто вроде полевого укрепления на самом краю лесной прогалины. Деревья здесь расступались, и это могло дать засевшим в «форте» людям хотя бы минимальное преимущество в предстоящем бою. Два арбалета – это как минимум две стрелы, которые удастся выпустить по атакующим, когда те появятся из-за деревьев. Впрочем, с другой стороны импровизированной крепостицы лес подступал к валунам практически вплотную, что было не слишком хорошо, но что есть, то и есть.

– Ничего не слышу, – пожаловалась Анна, дисциплинированно следуя за Эриком.

– Когда услышишь, будет поздно, – хмыкнул он, подсаживая ее наверх. – Забирайся внутрь, за камни, – приказал он, – и следи за прогалиной. Стрелять не спеши. Бей на поражение и никого не жалей. Они нас уж точно не пожалеют.

– Умеешь ты, командир, поднять у подчиненных боевой дух! – покачала головой княгиня Эгерланд.

– Это да, – усмехнулся в ответ Эрик, в свою очередь взбираясь на валун.

На самом деле, ему было не до смеха, но вот показывать это Анне – и как женщине, и как подчиненной – не стоило.

«Скоро и так все поймет...»

По всем признакам Тони вляпались в какое-то донельзя грязное местное болото. На импровизацию не похоже: слишком уж хорошо все организовано. Место выбрано, что называется, со вкусом, время – тоже, да и расклад сил рассчитан с умом. Первый стрелок не в счет. Наверняка это была всего лишь импровизация: или один из загонщиков инициативу проявил, или парень просто стоял в оцеплении, но в любом случае главные силы уже на подходе, и это будет отнюдь не *одинокий ассасин*. При этом действуют элои, и это тоже хороший ход. С одной стороны, будет потом на кого все свалить, а с другой – кто лучше егерей, а все шассёры⁴¹ здесь поголовно терранцы, знает свой лес? Эрик практически не сомневался, что заговор составляли люди, в смысле холодыне, поскольку «глушилки» добыть и правильно задействовать надо уметь. Да и план неплох, не с «эльфийскими» мозгами такое сочинить. Смущали только сроки.

«Как им удалось так быстро организовать такую качественную засаду?»

Вот это был вопрос так вопрос. На миллион американских денег, как говорили предки на Старой Земле. Но Эрику сейчас было не до американцев с давным-давно заброшенной планеты, и уж точно не до формальной логики с сестрой ее дедукцией. Ему предстояло победить там, где он заведомо должен был проиграть. Выиграть бой и этим спасти свою задницу, но,

---

⁴¹ *Шассёры* – изначально французские, легко вооруженные пешие или конные солдаты; егеря, стрелки, но в империи Торбенов слово это получило несколько иную интерпретацию – лесники, егеря, охотники.

прежде всего, вытащить из западни Анну. Задача не из простых. Впрочем, в тот момент Эрик еще не знал, какую подлость заготовили для них с княгиней терранские егеря. Да если бы и знал, что с того? Куда бы он делся? Что бы предпринял?

Место за валунами оказалось хорошим укрытием, потому что с тыла его прикрывали сплошные заросли кустарника. Через такую преграду так с ходу не продерешься, так что спереди камни, сзади – кусты, одним словом, настоящий форт, вот только укрепления эти могли если и не остановить, то наверняка притормозить людей или элов. А вот против мантикор ледниковые валуны не преграда.

«И ведь кто-то утверждал, что мантикоры – охотники-одиночки! – успел подумать Эрик, вскидывая арбалет. – Твою ж мать!»

Зверьки не лаяли и не рычали. Двигались стремительно и абсолютно бесшумно. И да, это была свора или стая – не суть важно, как их назвать, – но их явно было больше трех, и охотились они все вместе, группой. Ни людей, ни элов видно не было. Только эти пять или шесть мелких хищников, несущихся через прогалину к «форту». Анна выстрелила первой – поторопилась на нерве – и, разумеется, промахнулась, но вот стрела Эрика свалила одного из мантикор едва ли не в паре метров от валунов. И тут выяснилось, что прыгают зверьки ничуть не хуже кошек, потому что они и не подумали останавливаться перед преградой: двое полезли, правда, в щели между камнями, но трое других в один прыжок оказались наверху. Впрочем, Эрик успел отбросить бесполезный в «собачьей свалке» арбалет, и срубил первому из бросившихся на него хищников мачете полголовы. Не идеальный удар, но лучше, чем ничего, тем более что второго не последовало. Другой мантикор достал Эрика в прыжке, и саблезубые челюсти сомкнулись на его запястье. В принципе, учитывая остроту зубов и силу сжатия челюстей⁴², вполне мог откусить руку. Но Эрику повезло: на обоих запястьях он носил кожаные напульсники, заменявшие ему в «мирной жизни» привычные пилотам ракетноосцев манжеты-фиксаторы, так что сукин сын руку не откусил, но внимание отвлек.

Эрик рефлекторно попытался стряхнуть мантикора с руки, но, разумеется, это была негодная попытка. Зато пока он пробовал избавиться от зверька бессмысленным во всех смыслах маханием рукой, другие двое, по-видимому, оценившие Эрика в качестве главной угрозы – «Умные твари!» – атаковали его сзади. Ну, что сказать – было больно, но это была знакомая боль. В прежние времена разное зверье кусало Эрика не раз и не два, другое дело, что мантикоры не просто кусали – они охотились. И их укусы оказались не только болезненными, но и опасными. Поймав краем глаза момент борьбы Анны с последним оставшимся в строю хищником и мгновенно уразумев, что надо спешить, Эрик что есть силы треснул впившегося ему в запястье мантикора о гранитный бок ледникового валуна. Силу удара, естественно, не нормировал – бил со всей дури, а дури этой в мышцах Эрика было немерено, – так что, скорее всего, убил подлеца на месте, но, даже сдохнув, тварь его руку не отпустила, вцепившись в нее мертвой хваткой. А в это время двое других терзали Эрику спину. Причем один явно нацелился на поясничные позвонки, пытаясь перегрызть их где-то между третьим и пятым, а второй, «пробежав» по спине, с ходу попытался перекусить сонную артерию, хотя, возможно, его целью являлась яремная вена. Мантикоры явно неплохо разбирались в человеческой анатомии, но у Эрика, к счастью, была хорошо развитая мускулатура. Горло он прикрыл, резко опустив подбородок вниз, а шейные мышцы оказались мантикору не по зубам. Сразу не перекусил, а на потом Эрик не оставил ему времени. Ударил ножом с левой руки, одновременно падая на спину. На этом, в сущности, все и закончилось, но у Эрика взяло еще секунд тридцать, чтобы добить раненого мантикора и встать на ноги, так что Анна все это время продолжала бороться со своим противником в одиночку. Подготовка у нее была похуже, чем у Эрика, да

⁴² Для примера, сила сжатия челюстей у серой лисицы – 80 кг на квадратный сантиметр.

и опыта не хватало, но она более или менее с задачей справилась. Продержалась до прихода помощи, но мантикор ее за это время капитально порвал. Особенно ноги и левую руку.

– Раны себе перевязать сможешь? – дыхание у Эрика, как ни странно, оказалось сорвано, словно он полчаса махался, а не минуту с четвертью.

– Смогу... – особой уверенности в голосе женщины он не услышал, но беглый осмотр рваных ран показал, что за пять минут Анна кровью не истечет. Не должна.

– Тогда давай перевязывайся! – приказал он, отворачиваясь. – И не волнуйся, я скоро вернусь!

Несколько глубоких вдохов и выдохов, и, перемахнув через один из валунов, Эрик что есть силы рванул через прогалину. Прыжок получился зрелищным, – в одно касание левой рукой, – хотя видит бог, Эрику было не до того, чтобы красоваться. Да и не перед кем, если честно. А те, кто таился в лесу, его появления – тем более такого эффектного появления – не ожидали. По их расчетам, сейчас свора как раз добивала имперских послов, поэтому среагировали они поздно, подпустив Эрика слишком близко и этим подписав себе смертный приговор. Были бы предусмотрительнее, вполне могли противника подстрелить – арбалеты ведь были у всех троих, – но нет, не подумали. А кто не успел, тот, известное дело, опоздал. На дистанции протянутой руки размеры Эрика и его мышечная сила сыграли решающую роль, тем более что мачете – оно и на Терре оружие ближнего боя, а пилот к тому же не на шутку рассвирепел. В общем, и сам не заметил, как порубил элов в капусту, и только тогда понял, что дело плохо. Голова кружится, одолевает нахлынувшая вдруг слабость, и сознание очевидным образом плывет.

То, что это результат большой кровопотери, Эрик, к счастью, успел сообразить раньше, чем начали путаться мысли. И правильные решения успел принять, и даже кое-что из этого успел претворить в жизнь: содрал с мертвых элов их рубахи – ведь им с Анной понадобится перевязочный материал, – прихватил оставленный под деревом рюкзак с походным имуществом заговорщиков и побрел – бежать уже не получилось, – назад, к их с Анной крепости. Но вот перебраться через ледниковые валуны уже не смог. Сил совсем не осталось. Да и соображал к этому моменту, если честно, не то чтобы с трудом, а скорее, не соображал совсем...

3. Восьмое марта 2534 года, Терра

В себя он пришел только на следующий день. Очнулся бы и раньше, но холодянские лекари – как и их коллеги из Горицы – перестраховались и, чтобы зря не страдал, вкатили ему приличную дозу снотворного. И вот теперь Эрик лежал в медицинском «ложементе» – кроватью назвать это сооружение язык не поворачивался, – и слушал подробный отчет о пропущенных событиях. «Докладывала» специальный агент холодянской разведки Грит Мюстерс, которой, судя по кислому выражению лица, сложившаяся ситуация категорически не нравилась, но и деваться ей было некуда. Что случилось, того уже не отменить.

– Массивная кровопотеря, сам понимаешь... – пояснила она очередной поворот сюжета.

– Нет, не понимаю. Массивная – это сколько?

– Два с половиной литра или около того, – нехотя уточнила собеседница.

– Около чего? – не дал ей уйти от прямого ответа Эрик.

– Около шестидесяти процентов от общего количества крови.

– Тогда почему я все еще жив?

Вопрос не праздный. Эрик помнил – их этому учили еще в звездной академии на Илде-Франс, – что при потере шестидесяти процентов объема циркулирующей крови люди, во всяком случае офицеры и нижние чины ВКС, живы весьма относительно, то есть нехорошо и недолго, потому что, даже если сразу же остановить кровотечение, раненого все еще могут

убить гипоксия⁴³ и сердечная недостаточность, и это без учета всех прочих неприятностей. Ну, а при семидесяти процентах – даже медики бессильны. Семьдесят процентов – это неминуемая смерть. Но Эрик не умер. И это при том, что находились они с Анной «посередине нигде», вписанные в пейзаж бескрайнего девственного леса. Одни, без связи и даже без самой скромной аптечки, не говоря уже о флотском наборе первой помощи.

«Вообще-то, странно, что нас отпустили в лес без всего...»

И в самом деле, в рюкзачках, которые они получили перед выходом на маршрут, при беглом осмотре, предпринятом накоротке в самом начале ретирады, нашлись еда, вода, тент на случай дождя и даже набор для разведения костра. А вот аптечки там не оказалось, хотя по логике вещей обязана была быть.

«Наверняка ведь подстроили! Или просто совпадение?»

– Ты выжил, Эрик, потому что княгиня вовремя тебя перевязала... – объяснила между тем холодянская разведчица. – В смысле остановила кровь, перевязала и не дала остыть, ну, ты понимаешь... а там уже и мы до вас наконец добрались...

– Чем она останавливала кровотечение? – озадаченно спросил Эрик. – У нас же с собой ничего не было. Ни аптечки, ни индивидуального пакета. Ничего. Или Анна нашла что-то в рюкзаке элоев?

– Не нашла. – Коротко и неясно.

– Тогда как? – дожал Эрик.

– Прижиганием, – пожала плечами Грит. – Газовая горелка входит в охотничий набор, нож тоже.

«Горелка! – вспомнил Эрик. – Ну, конечно же! Газовая горелка и гейзерная кофеварка! Типа если вдруг припрет на маршруте выпить чашечку кофе...»

Действительно, газовый примус⁴⁴ и мока⁴⁵ тоже лежали в рюкзаке.

«Аристократы, мать их! А про аптечку забыли?! Или кто-то специально вытащил из наших с Анной рюкзаков?»

– Прижиганием? – переспросил он. – Серьезно? Ну, ты меня удивила, Грит. Я имею в виду, по-хорошему удивила. Это ж какие яйца нужно иметь, чтобы прижигать раны живому человеку?

Фраза вышла грубоватая, но он того и добивался, поскольку по смыслу-то он был прав.

– Люблю таких женщин, – меланхолично ответила на риторический вопрос Эрика специальный агент. – У нее, кстати, тоже оказалось несколько весьма неприятных рваных ран... Но она, Эрик, и себя... как смогла перевязала.

Он сразу же представил, как Анна прижигает раскаленным ножом свои раны, и пришел к выводу, что хорошее воображение – это отнюдь не достоинство. Скорее, недостаток.

– Где она сейчас?

– В соседней комнате. Тоже, наверное, уже проснулась.

– Нас можно как-нибудь?..

Эрик имел в виду, что было бы неплохо положить их вместе. Не в одной кровати, разумеется, – это был бы явный перебор, – но уж в одной комнате они всяко-разно один другому не помешают. Он только не знал, как об этом попросить, и согласуется ли это с холодянской врачебной этикой. Но мучиться – от неспособности облечь свою просьбу в дипломатически безупречную форму, – ему не пришлось. Специальный агент его поняла, что называется, с полуслова.

---

⁴³ Гипоксия – кислородная недостаточность.

⁴⁴ Примус – бесфитильный нагревательный прибор, работающий на жидком топливе.

⁴⁵ Мока – название гейзерной кофеварки.

– Подожди, – кивнула она, вставая. – Я сейчас выясню, в каком она состоянии. Ну и ее личным мнением на всякий случай поинтересуюсь, вдруг не захочет, – улыбнулась она ехидно. – И, если все-таки да, сейчас же распоряжусь.

Грит встала с табуретки и быстро, но не теряя достоинства, покинула больничную палату. Похоже, ей этот разговор и в самом деле был в тягость. Вот и удрала под благовидным предлогом, наконец-то оставив Эрика один на один со своими мыслями. Не то чтобы ее присутствие так уж сильно мешало ему анализировать поступающую информацию, но в тишине думалось гораздо лучше.

Самое забавное – если, конечно, здесь есть над чем иронизировать, – это то, что в известном смысле история повторялась, хотя и с поправками на местный колорит. Во дворце великой княгини Горицкой Эрик вроде бы спас от покушения наследника престола. На самом деле спасал он тогда Анну, но в зачет пошел именно кронпринц, а о княгине Эгерланд, включая и самого Эрика, никто и словом не обмолвился. Зато сегодня, вернее вчера, он в первую очередь защищал именно Анну. Сам бы он, в одиночку, наверняка стал бы действовать как-нибудь иначе и, возможно, не попал бы на госпитальную койку. Но что сделано, то сделано. Даст бог, Анна поправится, и тогда на этом инциденте – как и на том, что произошел в княжестве Гёрц – можно будет поставить крест. Главное, чтобы женщина не пострадала, поскольку и в этот раз у нее «похмелье» не на своем пиру.

За себя в этом смысле Эрик практически не переживал. Во-первых, потому что не боялся. Или лучше сказать, умел перебарывать свой страх, и чем дальше, тем больше жил, исходя из принципа, что чему быть, того не миновать. *Fata viam invenient*⁴⁶, так сказать. *Судьба найдет способ...* Но, разумеется, было и во-вторых. События прошедшего года и, в особенности, знакомство с сибиряками показали Эрику, что его организм способен справляться с запредельными нагрузками. Поэтому он практически не сомневался, что раны заживут на нем быстро, как на собаке, – они всегда, даже в детстве, заживали быстро и без осложнений, – и массивная кровопотеря минует без последствий. Другое дело, что Эрику очень хотелось узнать, откуда взялась эта его невероятная живучесть, и как связаны эти выдающиеся особенности его организма с тем, что он происходит из семьи Вильфов. Ответов на эти вопросы у него не было, и Эрик даже не знал, кому можно было бы их задать. Не ясно было так же, стоит ли вообще об этом кого-то спрашивать. А ну как ему же за эти вопросы и прилетит? Оставалась, правда, робкая надежда, что кое-что прояснится тогда, когда он познакомится со своей семьей. Может быть, они сами ему расскажут...

«Или нет...» – пожал он мысленно плечами. Без сожаления и без разочарования. Просто констатировал факт.

* * *

В конце концов, их все-таки «поселили» вместе. Врачи не возражали, Анна тоже. Ей и самой было в тягость коротать время в одиночестве. К тому же она серьезно беспокоилась об Эрике, поскольку в последний раз – еще «там, в лесу» – видела его в отвратительном состоянии, которое не внушало даже самого осторожного оптимизма. Так что возражений со стороны княгини Эгерланд не последовало, и уже через полчаса ее медицинский «ложемент» установили рядом с «одром» Эрика. Впрочем, все это было *временно и ненадолго* – пока не стабилизируется его состояние. А поскольку прогноз холодянского лекарей был в целом положительный, ожидалось, что не позже завтрашнего утра их с Анной перебросят на борт «Ханы Наглер», и эскадра адмирала Шлезингер «снимется с якоря», чтобы побыстрее покинуть столь «негостеприимные берега».

⁴⁶ Латинская поговорка.

Расследование, оперативно предпринятое планетарной службой безопасности в плотном взаимодействии с флотской контрразведкой, склонялось к предположению, что имевший место акт индивидуального террора был полностью подготовлен и осуществлен членами так называемой «Армии освобождения Терры» – организации, состоявшей почти исключительно из одних только элоев, впрочем, поддержанных небольшой группой экстремистски настроенных людей-холодян, полагавших, что сражаются за правое дело. «За вашу и нашу свободу», так сказать. Последнее могло бы объяснить довольно высокий технический уровень планирования и осуществления операции по ликвидации Виктора де Мойна – одного из крупнейших латифундистов Терры и ее бывшего генерал-губернатора. То есть в первом приближении вырисовывалась следующая картина происшествия: нападение готовилось давно и тщательно, нацелено оно было отнюдь не на Эрика и Анну. Однако неожиданное появление знатных гостей изменило планы заговорщиков. Уничтожить одного из потомков Петра Вильфа показалось им куда интереснее, чем убить местного латифундиста. Подпольщики просто не успели разобраться с тем, кто есть кто. И, исходя из портретного сходства между Эриком и Петром, а также из того, как с Эриком и Анной носят как гражданские, так и военные чины, решили, что Эрик не просто потомок знаменитого захватчика и поработителя Терры, но и сам является какой-то в высшей степени примечательной фигурой на политическом Олимпе республики Холод. Убийство такого «крупного зверя» могло стать весьма резонансным, чего они, собственно, и добивались. Гибель Анны в этом случае рассматривалась как дополнительный бонус или как сопутствующий ущерб, в зависимости от обстоятельств.

– Уверены, что операция не имела двойного дна? – спросила Анна, выслушав вместе с Эриком рассказ Грит Мюстерс.

– Что вы имеете в виду? – нахмурилась разведчица, но Эрик успел заметить тревогу, мелькнувшую в глазах женщины.

– Мог ли кто-то использовать террористов втемную? – уточнил он вопрос Анны.

Он про такое читал еще в детстве. Была в библиотеке Туманной долины книжка на дойче⁴⁷, которая называлась «История секретных операций». Среди прочего авторы монографии – их имен Эрик, разумеется, не помнил – рассказывали об операциях, в которых грязная работа выполнялась чужими руками, при том, что «руки» эти думали, что действуют совершенно самостоятельно. Соответствующая глава, насколько мог сейчас вспомнить Эрик, так и называлась – «Загрывать жар чужими руками».

– Такая возможность существует, – подтвердила холодянка после короткой паузы. – Служба безопасности рассматривает все мыслимые варианты... Немыслимые, впрочем, мы тоже подвергаем анализу, но вы же понимаете, господа, такую схему – если это и в самом деле игра теней – в один день не вскроешь. Посмотрим, может быть, что-нибудь и всплывет, но явно не сегодня и даже не завтра. Но я обещаю, если и когда появятся новые подробности, я вам о них сразу же сообщу.

– Пожалуй, пойду, – добавила через мгновение. – Вам, верно, хочется побыть вдвоем... поговорить... Увидимся завтра утром!

И она скрылась за дверью. Без поспешности, но как-то очень уж быстро. Ей, видно, было страшно неловко продолжать разговор. Уж очень очевидный промах допустила служба безопасности, прошляпив покушение, едва не завершившееся гибелью дипломатических посланников.

«По факту, сели в лужу господа холодяне!» – признал Эрик и переключился на Анну.

– Привет! – сказал он, едва за специальным агентом закрылась дверь. Он хотел повернуть голову так, чтобы видеть собеседницу, но, к сожалению, это было пока невозможно. Каркас-

---

⁴⁷ Дойч – современный для Эрика вариант немецкого языка.

ная повязка жестко ограничивала движения головой. Так что ему оставалось одно: смотреть в потолок и воображать, что видит перед собой ее лицо.

– Привет! – Судя по интонации, княгиня улыбнулась. – Ты как?

– Даже не знаю, что тебе сказать, – если бы мог, он пожал бы плечами, но фиксаторы удержали его и от этой глупости. – Тела совсем не чувствую, словно его и нет, но говорят, это временно.

– Вообще-то, экстравагантно получилось.

– Ты о том, что мы здесь лежим вместе?

– Ты ведь знаешь, что такое не практикуется?

– Можно подумать! – ухмыльнулся Эрик. – Я лежу и пялюсь в потолок, так что, увы, но полюбоваться твоими прелестями пока не могу.

– Зато я могу. – Эрик не понял, чего больше в голосе Анны, сарказма или сожаления.

– Там все так плохо?

– Могло быть хуже.

– Да, я в курсе, – согласился Эрик. – Спасибо!

– За что это? – «не поняла» Анна.

– Что не впала в истерику и спасла мне жизнь.

– Дурак ты, Эрик Минц! – фыркнула в ответ женщина. – Во-первых, это не ты меня, а я тебя должна благодарить. Это ты мне жизнь спас. И, между прочим, не в первый раз.

– Не говори глупостей! – остановил ее Эрик. Он совсем не для того спасал ей жизнь, чтобы потом выслушивать благодарности. Главное, что все с ней обошлось. И дело не в том, что сейчас они любовники. В прошлый раз ему такое и в голову прийти не могло, но он все равно бросился в бой. Просто в жизни есть ситуации, когда невозможно не вмешаться.

– Серьезно? – возмутилась вдруг Анна. – Ты, значит, мне спасибо сказать можешь, а я нет?

– Я не это... – начал было оправдываться Эрик, но Анна его быстро заткнула.

– Я не закончила! – Что ж, сейчас с ним говорила не младший лейтенант Анна Монк, а княгиня Эгерланд, которая, наверное, с рождения умела устанавливать дистанцию.

«Установила», – признал он не без доли восхищения. Сам он пока так не мог, хотя изменившиеся обстоятельства его жизни требовали обратного.

– Извини!

– Извинения приняты, – разом успокоилась женщина. – И вот еще что. Зарубите себе на носу, кавалер, я никогда не впадаю в истерику. Слышишь меня, Эрик? Ни-ко-гда!

– Слышу, – подтвердил он. – Верю. Знаком «Доблести» просто так никого не награждают.

И в самом деле, такими наградами не разбрасываются, а ее за дело при Парацельсе наградили именно знаком «Доблести».

– Что там было? – О том, что тогда случилось и за что ее наградили, Анна ему никогда не рассказывала. Не хотела, наверное, и Эрик не настаивал, предполагая, что на то у нее есть причины. Возможно, веские, а, может быть, и нет, но она в разговорах этой темы не касалась, ну и он не настаивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.